

INSPIRIA

ЖАЛО

Национальный
бестселлер Испании

Экранизировано
Netflix

БЕЛОГО

ГОРОДА

ЭВА ГАРСИА САЗНС ДЕ УРТУРИ

INSPIRIA

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Эва Гарсиа Саэнс де Уртури

Жало белого города

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

Гарсиа Саэнс де Уртури Э.

Жало белого города / Э. Гарсиа Саэнс де Уртури — «Эксмо»,
2016 — (Ток. Национальный бестселлер. Испания)

ISBN 978-5-04-113698-7

Национальный бестселлер Испании, экранизированный Netflix. Подробные описания улиц, кафе и достопримечательностей из этой книги легли в основу реальных тематических экскурсий «Безмолвие белого города», которые сейчас проводятся под эгидой муниципалитета Витории. Здесь кончается твоя охота. И начинается моя. Неуловимый маньяк убивает жителей Витории, украшая их тела эгускилорами – баскскими ритуальными символами. В точности как 20 лет назад... Но человек, обвиненный в давних преступлениях, провел все эти годы за решеткой и только готовится выйти на свободу. У преступника появился подражатель или тогда суд отправил за решетку невиновного? За расследование берется инспектор Унаи Лопес де Айяла по прозвищу Кракен. Пока он не знает об убийце ничего. А вот убийца, оставляющий ему загадочные и очень личные послания, знает о Кракене все... «Подобно тому, как Кара Блэк или Донна Леон изображают Париж или Венецию в своих таинственных сериях, Саэнс с любовью изображает уникальный и чарующий город, переплетая баскский фольклор и культуру с очень сложной и богатой историей». — BookPage «Увлекательно написанная книга, впечатляющая по масштабу и глубине». — Kirkus Reviews «Ошеломляюще... Завораживающий местный колорит, красиво проработанный сюжет и превосходные описания характеров делают эту книгу выдающейся. Читатели с нетерпением будут ждать следующей книги в серии». — Publishers Weekly Поистине запутанная история, полная темных тайн. Расследование серии ужасных и хладнокровных убийств с использованием ритуальных символов в одном из самых красивых городов Испании – Витории... Это было ново и неожиданно! Не знаю, правильно ли, что книга про серийного убийцу вызывала такие положительные эмоции, но не могу ничего поделаться – она великолепна! Этот атмосферный и затягивающий с первых строк триллер

держит в напряжении до самого конца, и вы придете в восторг от его кульминации. — Аля @book_voedka

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-04-113698-7

© Гарсиа Саэнс де Уртури Э., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	7
1. Старый собор	8
2. Арки	17
3. Сабалья	23
4. Дворец Вилья Сусо	29
5. Дом веревки	34
6. Улица Дато, 2	44
7. Вильяверде	54
8. Мачете	59
9. Арментиа	65
10. Тропинка	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Эва Гарсиа Саэнс де Уртури

Жало белого города

Eva García Sáenz de Urturi
El Silencio de la Ciudad Blanca

© Eva García Sáenz de Urturi, 2016

© Editorial Planeta, S. A., 2016

© Беленькая Н. М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2021

* * *

Моему дедушке. Причин хватает.

Миру необходимы плохие люди.

Мы отпугиваем тех, кто еще хуже.

Раст Коул, телесериал «Настоящий детектив»

Пролог

**Витория,
август 2016**

Журналисты упорно преследовали ребят из моей тусовки. Им нужен был материал, и они рассчитывали, что те им как-то помогут. Их выслеживали по всей Витории ровно с той минуты, как появилась новость, что мне прострелили голову: отныне покоя не было никому.

С утра они ловили моих друзей возле дома. По вечерам – в «Сабурди» на улице Дато, где они молча ужинали. В те дни ни у кого не было желания разговаривать, а постоянное присутствие репортеров дополнительно давило на психику.

– Мы сожалеем о случившемся с инспектором Айялой. Вы собираетесь на вечерний митинг? – допытывался журналист, размахивая у них перед носом газетой с новостями на первой полосе, где моя физиономия занимала едва ли не больше места, чем сама статья.

Хота, здоровенный смуглый парень, тщетно пытавшийся спрятать лицо от прицела камер, общался со мной за несколько недель до выстрела. Мои подруги, с которыми мы знали друг друга с детства, смотрели в тарелку, друзья отворачивались от камер.

– Просто ужас, – буркнул наконец Хота, хлебнув красного вина. – Жизнь несправедлива, очень несправедлива.

Он намекал на то, что пора бы оставить их в покое, но тут репортеры увидели Германа, моего брата-карлика, чей рост метр двадцать невозможно было не заметить. Бедняга сделал попытку пробраться к туалету. Репортер, с косящими от бесконечных извинений глазами, его узнал.

– Это его брат, быстрее за ним! – скомандовал он операторам.

Герман обернулся и захлопнул дверь кабинки прямо у них перед носом; в тот же вечер его поход в туалет транслировали все национальные каналы.

– Идите к черту, – пробормотал измученный Герман спокойно, почти миролюбиво.

Я знаю, виторианцы потрясены новостью о том, что их героя застрелили, и если заранее все продумать, что, к сожалению, невозможно, меня ради такого случая следовало бы нарядить в костюм.

Ни один полицейский не готов к тому, что станет последней жертвой серийного убийцы, год за годом державшего в страхе целый город, но жизнь придумывает множество способов нас обхитрить.

В общем, на снимках я получился так себе. Как я уже говорил, мне всадили пулю в голову. Однако следовало бы рассказать подробности того, что в начале носило название «Двойного убийства в дольмене¹», а в итоге превратилось в самую настоящую бойню, продолжавшуюся много лет и тщательно спланированную преступным умом, чей IQ значительно превышал умственные способности всех тех, кого мы подозревали.

Когда человек, убивающий людей одного за другим, – чертов гений, остается лишь молиться, чтобы твой мяч не выскочил из золоченой корзины и следящий за игрой мальчишка не объявил дрожащим от волнения голосом твой номер.

---

¹ Дольмен – погребальное культовое сооружение эпохи бронзы.

1. Старый собор

24 июля, воскресенье

Я наслаждался лучшим в мире картофельным омлетом – яйцо полусырое, картошка хорошо пропеченная, при этом хрустящая, – когда раздался телефонный звонок, изменивший всю мою жизнь. В худшую, надо заметить, сторону.

Был канун Дня Сантьяго, и мы, жители Витории, готовились ко Дню блузы², любимому празднику молодежи, который открывает целую череду других праздников, приходящихся на начало августа. В отделанный деревянными панелями бар, где я наспех заканчивал свой маленький гастрономический праздник, набилось столько шумного народа, что, почувствовав в кармане рубашки, возле сердца, дрожь ожившего мобильного, я вышел на улицу Прадо.

– Что случилось, Эстибалис?

Обычно напарница старалась не беспокоить меня в выходные, а День блузы и канун праздников были тем более священными днями: весь город вверх ногами, о работе никто не думает.

Грохот духового оркестра и гвалт следовавшей с ним толпы, которая подпрыгивала и подпевала в такт музыки, в первый момент не позволяли расслышать голос Эстибалис.

– Унай, срочно приходи к Старому собору, – приказала она.

Эти слова, равно как и их звучание, озадаченное и одновременно взволнованное, непривычно звучали в устах девушки-полицейского с отлично поставленным голосом.

Я сразу сообразил, что случилось что-то серьезное.

Пытаясь скрыться от вездесущего шума, который в тот день наполнял весь город, я машинально направил шаги к парку Флорида, стараясь уйти подальше от децибелов, мешавших хоть как-то поддерживать разговор.

– Что случилось? – спросил я, стараясь собраться с мыслями: последний глоток риохи явно был лишним.

– Ты не поверишь, но все в точности так же, как двадцать лет назад.

– Ты о чем, Эсти? Я плохо соображаю.

– Археологи из реставрационной команды собора обнаружили в склепе два обнаженных тела. Юноша и девушка, ладони на щеках друг у друга. Что-то напоминает, верно? Приходи немедленно, Унай. Это серьезно, очень серьезно. – И она нажала отбой.

«Быть такого не может», – подумал я.

Такого не может быть.

Я даже не попрощался с ребятами. Скорее всего, они так и сидели в баре «Сагартоки» посреди людской толчеи, и маловероятно, что кто-то из них обратил бы внимание на мобильный, если я позвонил, чтобы сообщить, что мой День блузы подошел к концу.

После звонка напарницы я, понутив голову, направился к площади Белой Богородицы, прошел мимо своего дома и дошел до начала Коррерии, одной из старейших улиц средневекового города.

Неудачный выбор. Народу там было полно, как и повсюду в центре. «Малькериды» и другие бары, изобиловавшие в нижних этажах старого города, были полны виторианцев, и я более четверти часа добирался до площади Бурульерия, расположенной у собора, где мы с Эстибалис договорились встретиться.

---

² День Сантьяго – День святого Иакова, покровителя Испании, 25 июля. День блузы – праздник в честь Белой Богородицы, покровительницы Витории. Во время праздничных мероприятий молодые парни наряжаются в баскские национальные костюмы, одна из составляющих которых – широкая голубая блуза. Женский наряд называется *peska*.

Площадь получила свое название потому, что в XV веке представляла собой рынок бурьеров – сукновалов, превративших город в торговую артерию северной части полуострова. Я шел по мощеной мостовой, и бронзовая статуя Кена Фоллетта³ с тревогой наблюдала, как я прохожу мимо, словно писатель заранее предвкушал темные сюжеты, которые сплетались вокруг меня.

Эстибалис Руис де Гауна, инспектор отдела уголовного розыска, работавшая со мной в паре, ожидала меня на площади у собора, попутно делая звонки в тысячу разных мест и нервно расхаживая туда-сюда. Со стороны она напоминала спящую ящерку. Ее рыжая грива до подбородка и скудные метр шестьдесят едва ли соответствовали требованиям при приеме в штат, и Витория чуть не потеряла одного из самых энергичных и сообразительных следователей.

Мы были чертовски хороши в закрытии сложных дел, хотя и не так хороши в следовании правилам. Нам не раз выносили предупреждение за отсутствие дисциплины, и мы привыкли покрывать друг друга. Что же касается правил... Как говорится, мы над этим работаем.

Мы над этим работаем.

Я смотрел сквозь пальцы на некоторые пристрастия, которые все еще присутствовали в жизни Эсти. Она смотрела в другую сторону, когда я не следовал указаниям начальства и проводил расследование самостоятельно.

Я специализировался на психологии преступников, поэтому именно ко мне обращались при обнаружении серийных случаев: убийств, изнасилований... Всякий мерзавец и подонок, чьи преступления повторялись, поступал ко мне в работу. Обычно серийный случай насчитывает более трех аналогичных преступлений, даже если по времени их разделяет период затишья.

Эстибалис занималась виктимологией, наукой прославленной и забытой. Почему жертвой становится именно этот человек, а не кто-то другой? Эсти увереннее, чем кто-либо, ориентировалась в базе данных SICAR⁴, которая включала в себя всевозможные следы и отпечатки автомобильных шин, или SoleMate, энциклопедии всех марок и моделей ботинок, кроссовок, кед и тапочек производства самых разных стран.

При моем появлении она спрятала мобильный и посмотрела на меня с сочувствием.

– Что там? – поинтересовался я.

– Сам увидишь, – прошептала Эсти, как будто нас могло услышать само небо, а может, преисподняя, кто знает. – Мне звонил комиссар Медина собственной персоной. Им нужен эксперт по психологии, как ты, а меня они просят заняться жертвами. Сейчас все поймешь. Любопытно, что ты скажешь. Уже прибыли криминалисты, судмедэксперт и судья. Зайдем со стороны Кучильерии.

Кучильерия была одной из старинных улиц, где в Средние века располагались мастерские различных гильдий. Какими только ремеслами не занимались предки виторианцев: кузнечное дело, сапожное дело, шорная мастерская, маляры и штукатуры... Эта часть Средневекового города оставалась нетронутой, несмотря на миновавшие с тех пор столетия.

Важно отметить, что к собору вели узкие ворота, казавшиеся проходом между домами.

Двое полицейских уже стояли у массивной деревянной двери дома под номером 95. Они поздоровались с нами и пропустили внутрь.

– Я допросила двоих археологов, которые обнаружили тела, – сообщила мне коллега. – Они пришли сегодня, чтобы продолжить свои раскопки. Видимо, на них надавили из Фонда

---

³ Кен Фоллетт – валлийский и британский писатель, описывавший в своих романах собор Санта-Мария в Витории, что вызвало большой приток туристов.

⁴ SICAR, Sistema Nacional de Cadastro Ambiental Rural – национальная испанская система сельского кадастра.

собора Санта-Мария, чтобы в этом году они закончили крипту и ров. Они оставили нам ключи. Как видишь, замочная скважина не тронута. Никаких следов взлома.

– Получается, они явились на работу накануне Дня Сантьяго? Не кажется ли тебе это несколько... странным для виторианца?

– В их поведении я не заметил ничего странного, Унаи, – Эсти покачала головой. – Они возбуждены или, скорее, испуганы. Такую реакцию подделать невозможно.

«Что ж, значит, так оно и есть», – подумал я. Я доверял мнению Эстибалис, как заднее колесо телеги доверяет переднему. Мы были партнерами и крутили одни и те же педали.

Я вошел в отреставрированный портик, и Эсти закрыла за нами дверь. Праздник остался где-то вдали.

До сих пор известие о найденных трупах не умещалось у меня в голове – слишком уж не сочеталось оно с радостной и беззаботной суетой, царящей вокруг. Но дверь закрылась, нас окружила монастырская тишина, рабочие прожекторы тускло подсвечивали лестницу, ведущую в подземную часовню, и все это показалось мне более реальным. И ужасным.

– Эй, надень каску. – Эстибалис протянула мне одну из белых касок с синим логотипом, которые фонд рекомендовал посетителям, входящим в собор. – С твоим ростом того и гляди треснешься головой.

– Неохота. – Не оборачиваясь, я обзирал тесное помещение.

– Это обязательно, – настаивала она, дернув меня за рукав и вновь протягивая мне белую посудину.

Это была наша обычная игра, заключающаяся в одном лишь простейшем правиле: «От сих и до сих». На самом деле было еще одно правило, дополняющее первое: «Не спрашивай. От сих до сих». Я считал, что два года без каких-либо происшествий – это статус-кво, устоявшийся способ общаться друг с другом, а мы с Эстибалис отлично ладили. Влияло на нас и то, что она была занята приготовлениями к свадьбе, а я овдовел лет уже... впрочем, какая разница.

– Надо же, мягкая, – пробормотал я, беря из ее рук пластиковую каску.

Мы поднялись по кривым лестницам, оставив позади макеты деревни Гастейс⁵, первого поселения, на месте которого впоследствии был возведен город. Эстибалис остановилась, чтобы достать ключи от внутреннего помещения Старого собора, одного из символов нашего города, восстановленного и переделанного большее количество раз, чем мой детский велосипед. Плакат с чертежами работ встречал нас по правую руку.

Я знал наизусть все главные места нашей провинции; я хранил их у себя в височной доле с тех пор, как двойное убийство в дольмене двадцать лет и четыре месяца назад потрясло целое поколение виторианцев.

Дольмен под названием «Ведьмина Лачуга», кельтское урочище Ла-Ойя, римские солончаки Аньяна, Средневековая стена... таковы были места, избранные серийным убийцей, чтобы превратить Виторию и провинцию Алава в арену для хроник в мировых теленовостях. Появились даже туристические маршруты, проходящие по местам, которые благодаря этим событиям обрели новую жуткую славу.

В ту пору мне было двадцать, и эти события впечатлили меня до такой степени, что я решил стать полицейским. За расследованием я следил с одержимостью вчерашнего подростка, заикленного на определенной теме. Анализировал скудные сведения, опубликованные в «Диарио Алавес», и думал: «Я бы справился с этим лучше. Они бестолковы, они не учитывают главного: мотивация, причина преступления». Да: в свои двадцать лет я считал себя умнее полиции, как бы ни наивно казалось мне это сейчас.

---

⁵ Гастейс – древнее название Витории. В настоящее время употребляется как второе название столицы провинции Алава. В Стране Басков по сей день официально используются двойные названия городов: Витория-Гастейс, Доностия-Сан-Себастьян и др.

В итоге реальность ударила меня по лицу сильнее боксерской перчатки; она ошеломила меня, как и всю страну. Никто не ожидал, что виновным окажется Тасио Ортис де Сарате. Убийцей мог оказаться кто угодно: сосед, монахиня ордена Клариссы, пекарь. Да хоть сам мэр...

Но только не он, наш местный герой, который был для нас больше чем идол: мы ему подражали. Медийный археолог, неизменный участник телешоу с рекордным количеством показов в каждом эфире, автор таинственных книг по истории, чьи тиражи расхватывали в считанные недели, Тасио был самым харизматичным и неотразимым человеком, рожденным в Витории за последние десятилетия. Умный, красивый, мужественный, по единодушному мнению всех женщин. Кроме того, у него был двойник.

Да, самый настоящий двойник.

Двое на выбор: у Тасио был брат, однояйцевый близнец, точная его копия – даже ногти стриг так же. Не отличишь. Оптимист, как и Тасио, из хорошей семьи, весельчак, гуляка, образован, хорошо воспитан... Им сравнялось всего двадцать четыре года, а у ног их была уже вся Витория. Их ждало будущее не просто блестящее, а звездное, стратосферное.

Игнасио, его брат-близнец, встал на путь защиты закона: в тяжелые годы он сделался полицейским, к тому же был самым крутым и дельным парнем в нашем подразделении. Никто не ожидал, что история замкнется на этих двух братьях и все кончится так, как кончилось. Всё, повторяю, всё было слишком чудовищным и жестоким.

Один из братьев нашел неопровержимые доказательства того, что его брат-близнец – наиболее преследуемый серийный убийца во всем демократическом мире, и ему самому пришлось отдать приказ о задержании, при том что до последнего момента братья были нераздельны, как сиамские близнецы... Игнасио стал человеком года, всеми почитаемым героем, который лично арестовал опаснейшего преступника и сделал то, на что способны немногие: выдал собственную кровь, посадил за решетку собственную жизнь.

Но вот что меня беспокоило: как «Диарио Алавес», так и «Коррео Виториано» – две наши местные газеты, непримиримые соперники – в эти дни наперебой писали о том, что Тасио Ортис де Сарате через пару недель временно выйдет на свободу: после двадцати лет тюремного заключения его ожидает свобода. И сейчас, именно сейчас город с самым низким уровнем преступности на севере страны внезапно потрясен двумя убийствами, которые обрушат мрачную статистику преступлений...

Я покачал головой, словно стараясь отпугнуть призраков. Выводы следовало отложить до лучших времен и сосредоточиться на том, что нас ждет впереди.

Мы вошли в недавно отреставрированную часовню, и мне действительно пришлось наклонить голову – такими низкими были потолки. Внутри пахло свежей древесины. Я осторожно ступал по плиткам из серого камня. После безупречной машинной полировки XXI века они выглядели совсем новыми, и жаль было пачкать их уличной обувью. Две толстые колонны перед нами выдерживали, как могли, истинный вес старого собора – тяжесть веков, которая наваливалась на них всей своей громадой.

Увидев два неподвижно лежащих тела, я почувствовал болезненный спазм в желудке. Но сдержался.

С усилием, но сдержался.

Криминалисты в белых скафандрах и мягких башмаках заканчивали осматривать картину преступления. Они установили несколько прожекторов, освещающих темную часовню; кажется, фотографии уже сделали свое дело, потому что на полу я увидел несколько метрических контуров. Эстибалис попросила эскиз сцены и, не спеша осмотрев его, протянула мне.

– Только не говори, что им по двадцать лет, Эсти, – взмолился я.

«Любой другой возраст, только не двадцать лет».

Жертвам предыдущего серийного убийцы было по пятнадцать. Четыре пары, девочки и мальчики, юноши и девушки, обнаженные, и каждый ласково прижимал ладонь к щеке другого в преисполненном нежности жесте, который никто не мог объяснить, особенно после того, как выяснилось, что ни в одном из случаев жертвы даже не были знакомы друг с другом. Зато все четверо – с двойными фамилиями, типичными для уроженцев Алавы: Лопес де Арментия, Фернандес де Ретана, Руис де Аркаут, Гарсиа де Видуния, Мартинес де Геренью...

В дольмене Ведьмина Лачуга, в одном из городков Алавы под названием Эльвильяр, обнаружили безжизненные тела новорожденных. Немногим позже на кельтском урочище Ла-Ойя в Лагуардии⁶ были найдены мальчик и девочка пяти лет. Руки, утешающие друг друга, взгляд, затерянный в небесах...

В соляной долине Аньяна, где еще во времена римлян процветала добыча соли, обнаружили тела мальчика и девочки десяти лет. Когда волна убийств докатилась до Витории и возле Средневековой стены были найдены трупы пятнадцатилетних подростков, общий психоз дошел до такой степени, что мы, молодежь двадцати лет, не выходили из дома, играя в мус⁷ с бабушками и дедушками. Никто не отваживался разгуливать по Витории поодиночке. Складывалось впечатление, что возраст жертв увеличивался в соответствии с хронологией нашей земли. Все очень хронологично, все так, как нравилось Тасио.

Потом его поймали. Инспектор Игнасио Ортис де Сарате приказал задержать Тасио Ортиса де Сарате, самого известного и любимого археолога страны. Его судили, признали виновным в совершении восьми убийств и посадили в тюрьму.

Урожай убитых виторианских детей прекратился.

Голос напарницы вернул меня в настоящее.

Судебный эксперт, доктор Гевара, худая пятидесятилетняя женщина с выпуклыми наружными скулами, вполголоса болтала с судьей Олано, пожилым, грузным и коротконогим человеком с широкой спиной, который слушал ее, поставив одну ногу в направлении двери, словно желая побыстрее сбежать из этого места. Мы старались их не отвлекать: поглощенные беседой, они явно не желали, чтобы кто-то их прерывал.

– Личность убитых пока не установлена, – вполголоса сообщила мне Эстибалис. – Проверяем сводки о пропавших. С виду и парню, и девушке около двадцати. Ты думаешь о том же, что и я, верно, Кракен?

Иногда она называла меня детским прозвищем – одна из дружеских привычек, не исчезнувших со временем.

– Неужели это то, о чем я думаю? Быть такого не может, – прошептал я, держась за подбородок.

– Тем не менее это так.

– Пока неизвестно, – перебил я ее в некотором раздражении.

Она промолчала.

– Пока ничего не известно, – повторил я, отчасти чтобы убедить себя самого. – Давай займемся тем, что имеем. Потом в кабинете на трезвую голову все это подробно обсудим.

– Договорились. Что ты видишь?

Я приблизился к телам жертв, уперся руками в колени и пробормотал свое обычное заклинание:

«Здесь заканчивается твоя охота и начинается моя».

– Три эгускилора⁸, три цветка солнца, – сказал я наконец. – Кто-то положил их между головами убитых и по обе стороны ног. Не понимаю их значение в этой сцене.

---

⁶ Муниципалитет, часть провинции Алава.

⁷ Мус – одна из самых популярных карточных игр в Испании (прим. переводчика).

⁸ Эгускилор, или колючник бесстебельный (лат. *Cardo Silvestre*, также *Carlina acaulis*), – цветок, по форме напоминающий

В культуре басков эгускилор был древним символом защиты: эти цветы вешали в дверях домов, чтобы защитить их от ведьм и демонов. Однако в нашем случае никого они, разумеется, не защитили.

– Я тоже не понимаю, что они тут делают, – согласилась Эстибалис, подойдя ко мне ближе. – Итак, о жертвах: юноша и девушка, белые, возраст – двадцать или двадцать с чем-то. Лежат на спине, голые, лицом вверх на полу собора. Не вижу ножевых ранений, следов от удара и прочих признаков насильственной смерти. Хотя... посмотри-ка: у обоих сбоку на шее маленькое входное отверстие. Прокол чем-то острым. Видимо, обоим что-то вкололи.

– Надо будет дождаться токсикологического заключения, – сказал я. – Придется послать образцы на анализ в лабораторию судебной экспертизы в Бильбао. Это могут быть наркотики или психоактивные вещества. Что-нибудь еще?

– Одна рука каждого лежит на щеке другого. Судебный эксперт пока не установил время смерти, но тела не успели окоченеть, а значит, смерть наступила несколько часов назад, – добавила Эсти. – Попрошу криминалистов, чтобы надели им на руки бумажные пакеты. Не похоже, чтобы жертвы защищались, но заранее ничего сказать нельзя.

– Кажется, они чем-то пахнут... – Я поманил ее пальцем. – Что это, бензин? Запах слабый, но отчетливый. Бензин или нефть.

– У тебя тонкое обоняние. Я не почувствовала, – заметила Эсти, нагнувшись к лицам.

– Предстоит определить причину смерти. Думаешь, их тоже отравили, как и предыдущих? Может, заставили наглотаться бензина?

Я размышлял, глядя на лицо девушки. На нем застыла гримаса боли. Жертва умерла в мучениях, так же как и юноша. Я осмотрел волосы юноши. Недавно их остригли по бокам, и челка все еще держалась благодаря гелю для волос: видимо, парень ходил в хорошую парикмахерскую. По всей видимости, он заботился о себе. Девушка тоже была хороша собой. Ухоженные брови, отсутствие дефектов на коже или прыщей – убитая выглядела как современная девушка, которая с раннего возраста использует кондиционер для волос и прибегает к салонным косметическим процедурам.

«Маленькие пижоны», – мелькнуло в голове. Как и прошлые жертвы. Но я быстро понял, что ошибаюсь.

– Эстибалис, – окликнул я. – Мы должны отбросить прежние версии и начать все сначала. Нельзя рассматривать предыдущий сценарий; мы оба поторопились, сравнивая это преступление с прошлыми. Мы до них еще доберемся. Давай займемся нашим случаем, а потом уже будем сравнивать.

– Думаю, именно так рассуждает убийца или убийцы. Сценарий слишком напоминает прежние преступления. Если ты спросишь меня о жертвах, Кракен, я бы сказала, что это все та же серия, начатая двадцать лет назад.

– Да, но разница есть. Не думаю, что эти умерли от яда. Хотя пресса так и не уточнила, какой именно тогда был яд. Не верю и в то, что их накачали бензином. Для этого потребовалось бы довольно большое количество бензина, и запах был бы гораздо сильнее, не говоря о химических ожогах, которых мы не видим. Такое впечатление, что они сделали один-два глотка, не больше.

Я посмотрел на лицо юноши. Его выражение казалось мне странным: рот сомкнут, губы немного втянуты внутрь, как будто он кого-то кусает.

Внезапно я кое-что заметил и наклонился к девушке.

– Обоим рот залепили лентой, а потом рывком ее со-драли. Смотри.

Действительно, вокруг губ виднелся прямоугольный отпечаток клейкой ленты, которая слепляла губы жертв из-за раздражения кожа слегка покраснела.

Внезапно в каменной тишине подземелья, нагонявшей страх и тоску, послышались какие-то звуки. Жужжание: слабое, но неприятное.

Я подал знак Эстибалис, чтобы она замолчала, и приблизил ухо к лицу юноши, почти коснувшись его. Что за чертов звук? Я закрыл глаза и целиком сосредоточился на странном жужжании, пытаясь установить его источник, а также место, где оно слышнее всего. Я едва не касался щекой кончика носа жертвы: звук явно шел изо рта.

– У тебя есть ручка?

Эсти достала ручку из заднего кармана брюк и протянула мне. На лице ее обозначилась вопросительная гримаса.

Задним концом ручки я приоткрыл уголок рта. Из отверстия вылетела пчела. От неожиданности я повалился на спину.

– Черт, пчела! – вскрикнул я, лежа на полу.

Все присутствующие обернулись в нашу сторону. Криминалисты взглянули на меня с упреком: как-никак, я упал в самый центр места преступления.

Эстибалис опомнилась и попыталась ее схватить, но насекомое пролетело над нашими головами и за долю секунды оказалось довольно далеко, удаляясь в сторону руин древней деревни Гастейс, укрытых пластиковым колпаком.

– Мы должны ее поймать, – сказала напарница, блуждая взглядом по потолку. – Если с ее помощью было совершено преступление, она станет главной уликой в расследовании.

– Поймать? Расстояние от апсиды до входа девяносто шесть метров! Не делай такое лицо, – сказал я, заметив, как Эсти на меня смотрит. – Каждый раз, когда в Виторию приезжает кто-то из знакомых, я вожу его на экскурсию по этому собору.

Эстибалис вздохнула и подошла к убитым.

– Ладно, забудем пока про пчелу. Скажи, ты видишь следы сексуального насилия?

– Нет. – Я снова подошел к трупам. – Половые органы девушки выглядят нетронутыми. Спросим судмедэксперта; кажется, она закончила разговор с судьей.

– Ваша честь... – сказала Эстибалис, машинально пригладив волосы, торчавшие из-под шлема, и убирая их в хвостик.

– Добрый вечер, – отозвался судья Олано. – Мой секретарь оставит вам акт о визуальном осмотре, чтобы вы его подписали. Лично с меня достаточно для выходного дня.

– И не говорите, – пробормотал я.

Судья поспешно вышел из часовни, оставив нас один на один с судмедэкспертом.

– Вы нашли биологические материалы, доктор? – поинтересовался я.

– Мы осмотрели тела и поверхность пола с помощью УФ-лампы, – сказала она. – Никаких следов крови. Заодно поискали следы спермы с лампой Вуда, но их тоже не обнаружилось. В любом случае будем ждать аутопсию, она даст более точные результаты. Боюсь, нас ожидает непростое расследование. Что-то еще, коллеги?

– Нет, доктор. Пока нет, – улыбнулась на прощание Эстибалис. Как только судмедэксперт исчезла, она повернулась ко мне. – Итак, Унаи, каково твое мнение?

– Тела обнажены, и во всей этой сцене явно присутствует выраженный сексуальный подтекст: жертвы похожи на влюбленных, к тому же эти руки на щеках. Думаю, все это было сделано уже посмертно, когда убийца перенес их сюда и уложил тела в направлении...

Я достал из кармана мобильник и открыл приложение, служившее компасом. Присел на корточки и некоторое время сидел, не шевелясь.

– Они ориентированы в ту сторону, где во время зимнего солнцестояния встает солнце, – сообщил я.

– Поясни; я не дитя гор, которое, подобно тебе, по выходным сливается с матерью-природой.

– Ни с чем я не сливаюсь, езжу всего-навсего помочь деду с огородом. Если у тебя был дед девяносто четырех лет, не желающий жить, как обычный пенсионер, ты бы делала то же самое. А отвечая на твой вопрос – тела ориентированы на северо-запад.

«Как и первые убитые в дольмене, – обеспокоенно подумал я. – Тревожный сигнал».

Но вслух ничего не сказал.

Я не хотел противоречить сам себе, Эстибалис не должна была заметить, что, несмотря на все мои попытки выкинуть из головы старое дело, я продолжал сравнивать нынешнее убийство с нашими подростковыми кошмарами. Возможно, как и сама Эсти.

Внутри у меня что-то дрогнуло. Я не мог не думать о том, что дышу одним воздухом с убийцей. Что всего несколько часов назад говнюк и психопат занимал то же положение в пространстве, что и я. Я всматривался в неподвижный воздух собора, будто в нем могли остаться его следы. Я словно узнавал его шаги, видел его поступь на быстрой перемотке в своем воображении. Как он притащил тела, как, не оставляя следов, укладывал их в часовне. Я точно знал, что это был человек скрупулезный и что похожие вещи он делал и раньше.

В тот вечер он совершал злодеяние не в первый раз.

Оставалось лишь увидеть его лицо. Я отказывался верить в то, что загадка проста и все настолько безоговорочно: решение принято еще до того, как рассмотрены все детали.

Эстибалис наблюдала за мной, ожидая, пока я покину ментальные лабиринты, в которых иногда подолгу блуждал. Она хорошо меня знала и уважала мое молчание, равно как и другие привычки.

Наконец я встал, мы переглянулись и поняли, что оба на десять лет моложе исследователей, которые полчаса назад вошли в этот храм.

– Ладно, Унаи. А что говорит тебе твой перфекционизм?

– Убийца – человек крайне щепетильный. Это не спонтанная вспышка агрессии. Готов поклясться, что он не был знаком с жертвами и выбирал их случайно. Кроме того, абсолютный контроль над ситуацией. Но больше всего меня тревожит отсутствие следов и других улик. Это означает, что у него почти профессиональный криминальный почерк, и это меня очень беспокоит.

– Что еще? – настаивала Эсти, догадываясь, что я не все сказал и всего лишь размышлял вслух в ее присутствии. Мы часто так делали: когда размышляешь вслух, голова работает быстрее и лучше.

– Глаза у жертв открыты; это указывает на то, что убийца не чувствовал ни жалости, ни раскаяния. Признак психопатии, – продолжал я.

– Признаки спонтанности?

– Не вижу ни одного. Как правило, спонтанные убийцы оставляют после себя множество следов беспорядочного и жестокого насилия. Уродуют лица, меняя черты до неузнаваемости, оставляют следы первого попавшегося под руку орудия, например палок или камней. Здесь же все иначе. Парень не психотик. Похоже, он психопат или социопат: аккуратен, склонен к планированию, у него нет умственных проблем, иначе говоря, он полностью вмняем. Не могу понять, каким оружием он совершал убийства. С помощью пчелиного яда? Тогда это похоже на фетиш.

– Предметы, которые обычно не являются оружием, для него имеют особое значение, – вслух заключила Эстибалис.

– Похоже на то, – я кивнул. – Надо узнать, какой яд использовал убийца двадцать лет назад. Как только вернемся в офис, запросим старые отчеты. Если мы допустим, что это убийство – продолжение серии из четырех убийств, начатой в девяносто шестом году, мы также вынуждены принять гипотезу о передышке, продлившейся два десятилетия. Когда речь идет об организованных серийных убийствах, долгий период ожидания означает, что личность пси-

хопата уравновешена. По статистике, это недели или месяцы. Ты хоть представляешь, с кем мы имеем дело, если этот парень способен на двадцать лет ожидания?

– Говорить придется тебе, Унаи. Скажи это во всеуслышание, потому что вся Витория будет об этом спрашивать. Через несколько часов новость возглавит топ новостей, и нам надо подготовить заранее ответ, который мы дадим, когда на нас обрушится пресса.

Я вздохнул.

– Хорошо. Что-нибудь придумаю; надеюсь, у меня получится.

– Давай думай.

Внезапно предчувствие опустилось мне на левое плечо, как черная бабочка. Я понял, что оно меня не обманывает: если у меня был стеклянный шар, орудие для предсказания будущего, если я знал заранее, что вынужден буду возглавить это расследование, я никогда не пошел бы работать в отдел по расследованию убийств.

Да, именно так. Остался бы в Вильяверде, сеял бы пшеницу вместе с дедушкой.

Потому что мне не хотелось участвовать в этом расследовании. Именно в этом – не хотелось. В любом другом – пожалуйста... Да, я все обдумал, я готовился годами и неплохо справлялся со своей работой. Хорошая статистика, успешные расследования за разумный период времени, похвалы от начальства и дружеские похлопывания по спине. Но только не этот случай, не новый Тасио Ортис де Сарате.

Я должен был все это озвучить, сформулировать, высказать, чтобы мысли перестали быть навязчивым шумом в голове.

«Договорились, – заключил я. – Я все скажу».

– Какого черта Тасио снова взялся за убийства – двадцать лет спустя и в той же манере, – если сейчас он заперт в тюрьме Сабалья? Может ли человек, каким бы дьяволом он ни был, находиться одновременно в двух местах?

2. Арки

**День Сантьяго,
25 июля, понедельник**

Меня восхищала загадочная симметрия этих случаев. Двое убитых, чей возраст заканчивается на ноль или на пятерку... Убийца и полицейский похожи друг на друга как две капли воды... Но тот факт, что преступления прекратились, когда Тасио оказался за решеткой, и возобновились, когда его вот-вот должны были выпустить, не вменялся ни в какие схемы...

Это не давало мне спать и, честно сказать, по-своему восхищало.

Я вскочил в шесть утра, проснувшись внезапно и не в силах снова уснуть. Отчасти потому, что внизу под моим деревянным балконом на площади Белой Богородицы все еще праздновали День блузы, как будто дело происходит не ранним утром. А еще я предчувствовал трудный день: столкновение с прессой, выслушивание указаний комиссара Медины... Предстояло утомительное хождение по кабинетам, и надо было перевести дух, чтобы хорошенько к нему подготовиться.

Я надел беговые кроссовки, сбежал вниз по лестнице и толкнул входную дверь, отделяющую меня от сердца Витории. Пару лет назад я снял неплохую квартиру в самом центре города. Одна моя знакомая, работавшая в «Пералес», риелторской фирме, занимающейся арендой в пределах города, осталась моим должником после того, как я помог ей получить запретительный ордер, ограждавший ее от посягательств слишком настойчивого бывшего поклонника. К слову сказать, редкостного козла.

Бегонья была мне очень признательна за эту услугу. И, зная, что после всего того, что произошло с Паулой и моими детьми, я ищу квартиру, предложила мне этот редкий вариант, который даже не успела внести в список на сайте своей конторы. Однокомнатная квартира со свежим ремонтом. Пожилые соседи, добродушные, но безнадежно глухие. Отличный вид с третьего этажа. Правда, без лифта. Места хватало только для меня одного, больше никто туда не поместился бы, иначе говоря – не квартирка, а чудо.

Я выскочил на тротуар, пересекая потоки людей, возвращавшихся домой и представлявших собой чуть ли не процессию. Разговоры стихали, шаги тяжелели; кто-то, ша-таясь, стоял возле обувного магазина, пьяный в стельку.

Я обошел толпу и затрусил по менее людным улицам. Пересек площадь и очутился на улице Дипутасьон, затем на Сиервас-де-Хесус и пересек весь Средневековый квартал, пока через полчаса не взбежал на склон Сан-Франсиско, чувствуя себя более свежим и отдохнувшим, затем устремился в Акри... вот и она, таинственная бегунья, с которой в последние недели я встречался каждое утро. Единственный человек, достаточно сумасшедший или мотивированный, чтобы, подобно мне, бегать по городу в шесть утра.

Она сторонилась узких переулков, держалась подальше от теней, всегда бежала по центру мостовой, поближе к фонарям, и носила на шее яркий свисток. Осторожный человек. Точнее, хорошо осознающий опасность. Возможно, на нее уже кто-то покушался, а может, она боялась, что нападут. Тем не менее бегала навстречу заре почти ежедневно в течение всей недели.

Я замедлил трусцу, когда достиг последнего пролета крытой галереи, увенчанной арками. Мне не хотелось, чтобы все это выглядело так, будто я ее преследую. Не хотелось ее пугать, к тому же я ее не преследовал, хотя эта девушка с темной косой и в не очень подходящей для бега шапке интересовала меня больше, чем я готов был признаться. Я отвлекся, рассматривая гигантский плакат, висевший на стене и рекламировавший мюзикл «Моби Дик» в Главном театре.

«Зовите меня Исмаил, – думал я, вспоминая первые строчки романа. – Несколько лет тому назад – когда именно, не важно – я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтоб поглядеть на мир и с его водной стороны. Это у меня проверенный способ развеять тоску и наладить кровообращение»⁹.

Однако, к моему удивлению, она заговорила первая, выведя меня из раздумий. Остановившись на эспланаде напротив входа в церковь Сан-Мигель, подошла к бронзовой статуе Кальдерона, поставила ногу на перила и начала растяжку.

Я прошел мимо, вежливо делая вид, что не замечаю ее, но она подняла голову.

– Что же ты не гуляешь со всеми по городу? – Она усмехнулась. Ее чистая свежая энергия коснулась меня, и я остановился. – Вариантов два: или ты не блуза¹⁰, или слишком любишь бегать.

«Ничего-то ты не понимаешь...»

– Боюсь, ни то ни другое, – ответил я, надеясь, что не слишком вспотел. – А может, обе причины вместе.

Я никогда не видел ее лица и ни разу не замечал, чтобы она останавливалась. Лицо у нее было узкое, его выражение – дружелюбное. В бледном свете фонарей цвет глаз определить было сложно. Высокого роста, с очень белой кожей. Приятная, привлекательная девушка. Все одновременно. И в то же время она казалась холодной, далекой.

– А ты? – спросил я, оставаясь на почтительном расстоянии. – Тебе нравится быть не такой, как все?

– Это единственное время дня, когда я могу побыть наедине с собой.

«Ясно: ты либо обременена семьей, либо работаешь на стрессовой работе. Возможно, с утра до вечера. Внеурочные часы, ответственное место», – предположил я, но выводы оставил при себе.

– Хорошо, что я не последний представитель вымирающего вида, – ответил я.

Она улыбнулась и подошла познакомиться.

– Меня зовут... Бланка.

Двухсекундное колебание, быстрый косой взгляд на нишу церкви Белой Богородицы, стоявшей прямо перед нами. Слишком долгая пауза, чтобы сообщить настоящее имя.

«Почему ты мне соврала?» – подумал я.

– А тебя?

«Зовите меня Исмаил».

– Исмаил.

– Исмаил... понятно. Рада знакомству, Исмаил. Если ты и дальше будешь вставать в такое время, чтобы побегать, рано или поздно мы снова встретимся, – сказала Бланка, после чего продолжила бег и исчезла внизу лестницы.

Я остался возле Селедона¹¹ и видел, как она пробежала мимо моего дома и скрылась в направлении парка Флорида.

Два часа спустя я крутил педали своего велосипеда, направляясь в Лакуа к новому полицейскому участку – внушительному бетонному строению. Пристегнул велосипед на замок возле изгороди и, прежде чем войти, глубоко вдохнул.

Что готовит мне этот день, с какими мыслями усну я этой ночью?

«Сосредоточься на том, что предстоит, и все будет хорошо», – ободрял я сам себя, не веря ни в одно из мысленных обещаний.

---

⁹ «Моби Дик», Герман Мелвилл, перевод И. М. Бернштейн (прим. переводчика).

¹⁰ Смотри прим. на стр. 9. Блузами называют всех участников карнавальных шествий.

¹¹ Собирательный образ жителя деревни, уроженца Алавы.

Я поднялся по лестнице и оказался на втором этаже. Усевшись перед компьютером, принялся искать данные и приводить в порядок собственные мысли. Вскоре комиссар Медина – человек с густыми черными бровями и плотной белой бородой, иногда жесткий и требовательный, иногда мягкий и участливый – дважды постучал в мою дверь и вскоре возник на пороге. Физиономия у него была озабоченная.

– Добрый день, инспектор Айяла. Вы читали сегодняшние газеты?

– Еще не успел, сеньор. А что, война началась?

– Боюсь, что да. – Вздохнув, он кинул мне экземпляр «Диарио Алавес». – Кто-то разболтал о трупах в Старом соборе, и вчера вечером вышел специальный выпуск.

– Газета посреди ночи? – удивился я. – Насколько я знаю, на бумаге теперь не публикуют даже горячие новости. Все, что не вошло в утренний бумажный вариант, добавляют в электронный.

– Это дает представление о том, что «Диарио Алавес» намерена заниматься этим делом специально. Хотя ничего странного тут нет. На улицах Витории со вчерашнего вечера только об этом и говорят. Мне уже позвонили с дюжины радиоканалов, а заодно из нескольких телепрограмм. Все хотят всё знать, все требуют подробностей. Идите в мой кабинет, инспектор Гауна уже ждет нас. С сегодняшнего дня к этому делу подключается заместитель комиссара Диас де Сальватьерра, она будет ответственным за расследование. Разумеется, все мы надеялись, что ее первый день выдаться более спокойным, но реальность диктует свои законы, как говорят журналисты. Прошу, следуйте за мной.

Я кивнул, искоса просматривая заголовок газеты: «Юноша и девушка найдены мертвыми в Старом соборе».

Я облегченно вздохнул. Название звучало расплывчато, тон был на удивление нейтрален и мало соответствовал борьбе за заголовки, разгоревшейся в прошлом у этой газеты с ее вечным соперником, «Коррео Виториано».

Вот и кабинет, обитый деревянными панелями. На моем лице застыло выражение напряженного ожидания. Новые назначения всегда держались в строжайшей тайне, и было бесполезно пытаться узнать что-нибудь раньше времени. Начальство помалкивало, никто не знал, какие должности будут заняты; как правило, людей назначали из других участков. Эстибалис в полицейской форме сидела за гигантским столом для совещаний. Я посмотрел на новую начальницу – и остолбенел, не зная, что и сказать.

– Помощник комиссара Альба Диас де Сальватьерра, представляю вам инспектора Унаи Лопеса де Айялу.

Сидящая за столом дама в элегантном костюме улыбнулась, притворяясь, что видит меня впервые, в то время как оба мы понимали, что это не так. Передо мной была та самая Бланка, с которой мы познакомились сегодня утром.

– Заместитель комиссара... – отозвался я самым нейтральным тоном, на который был способен. – Добро пожаловать в Виторию. Надеюсь, вам будет приятно работать с нашим коллективом.

Она выдержала мой взгляд на полсекунды дольше положенного, расплылась в формальной улыбке и пожала мне руку – второй раз за последние пять часов.

– Приятно познакомиться, инспектор Айяла. Боюсь, первое собрание нам придется провести прямо сейчас.

– Инспектор Гауна, – вмешался комиссар Медина, – у вас уже есть отчет криминалистов, которые обследовали место преступления?

– Конечно. – Эстибалис встала и раздала присутствующим три экземпляра. – Подведу итог: убийца или убийцы не оставили ни улики, ни отпечатков пальцев, хотя мы сделали все возможное, чтобы найти лофоскопические отпечатки с помощью имеющихся приборов. Во время экспертизы была принята во внимание темная и пористая поверхность камня, которым

отделан склеп, от свинцовых белил до нингидрина. Следов обуви также не обнаружено. Смерть наступила за два часа до того, как тела перенесли в подземную часовню храма. Нет следов сексуального насилия и самозащиты со стороны жертв. В отсутствие результатов вскрытия, которое будет проведено в течение сегодняшнего дня, мы можем предположить, что вероятной причиной смерти стало удушение, вызванное множественными укусами пчел в горло жертв.

– Пчел? – переспросила заместитель комиссара. – Но как они там оказались?

– Мы с инспектором Айялой обнаружили на губах жертв следы клейкой ленты. Думаю, убийца насильно поместил им в рот нескольких пчел и заклеил губы лентой. Кроме того, лица жертв пахли бензином. Подобный запах раздражает пчел. Таким образом убийца добивался того, чтобы пчелы кусали жертв в горло, вследствие чего отек слизистых оболочек закупорил дыхательные пути и спровоцировал смерть, хотя для этого также следовало зажать нос. Боюсь, смерть у этих ребят была мучительной.

Я осторожно посмотрел на комиссара: она сжала зубы, затем лицо ее вновь обрело наигранное спокойствие.

– А что насчет имен потерпевших? – спросила она, убрав с лица темный завитой волос.

– Об этом я и хотела бы с вами поговорить. Мы просмотрели описания в заявлениях об исчезновении людей в Витории и провинции за последние дни. И до вчерашнего вечера не было ни единого заявления о недавнем исчезновении. Тем не менее заголовки газеты за прошлый вечер звучит вызывающе, и, позволю себе предположить, эффект его будет ощущаться весь сегодняшний день и рассеется только к вечеру.

– Не понимаю.

– Родители прочитали вчера вечером в газетах, – ответила Эстибалис, – что в соборе найдены мертвые юноша и девушка. Предыдущая ночь была кануном Дня блузы. Многие парни и девушки двадцати с чем-то лет еще не вернулись домой после вечеринки. Сейчас одиннадцать утра. Родители запаниковали, начали звонить детям, но их телефоны не отвечают. Часто юноши и девушки выключают телефоны на ночь и не отвечают на звонки родителей, а потом говорят, что не было связи или села батарейка. Полицейский участок на улице Олагибель забит обеспокоенными родителями, которые не могут разыскать своих детей. К сожалению, распространенное явление. После трагедии в Мадриде на Арене¹² было то же самое. Линия 112 перегружена. Пять минут назад мы получили почти триста звонков от родителей, заявивших об исчезновении детей. Однако мы имеем право официально начать розыск только через двадцать четыре часа после исчезновения. Подавляющее большинство родителей звонят потому, что дети до сих пор не вернулись с гуляний, а новость они узнали за завтраком. В течение утра дети вернутся, и многие родители не станут снова звонить на 112, чтобы сообщить нам о том, что дети нашлись: они будут так счастливы, что захотят поскорее забыть о своих опасениях.

– Что дает убийце или убийцам бесценное преимущество во времени, – вслух подумал я. – Не случайно он убил этих ребят накануне Дня блузы. Думаю, этого-то он и добивался: опередить нас, а заодно добиться послепраздничного коллективного психоза.

– Первые впечатление? – обратилась к нам заместитель.

– Убитые маленького роста, – не задумываясь, ответил я.

– Что, простите?

– Жертвы. Они очень маленькие. И худые, – пояснил я.

– И что это значит? – заинтересовалась заместитель комиссара Диас де Сальватьерра. – К чему это ваше замечание, Айяла?

– Мы все время подразумеваем, что убийцей был мужчина. Но в данный момент я не могу исключить, что это была женщина, крупная и наделенная определенной физической силой;

---

¹² Имеется в виду трагедия в комплексе Madrid Arena, произошедшая в ночь на 1 ноября 2012 года и унесшая жизни пяти девушек (прим. переводчика).

по-моему, такая женщина вполне способна была бы убить их одного за другим. До сих пор жертвами были младенцы, а также дети пяти, десяти и пятнадцати лет; а сейчас, если наши подозрения подтвердятся, двое молодых людей в возрасте двадцати лет. Невысокие, не отличающиеся физической силой. По-прежнему вероятно, что убийство могло быть совершено как мужчиной, так и женщиной. Если убийства продолжатся, было бы любопытно узнать рост и телосложение следующих жертв.

– Следующих жертв... – повторила заместитель комиссара. – Вы настолько уверены, что убийства продолжатся?

– Мы должны перестать делать вид, что это убийство – первое и единственное, – сказал я, вставая. – Мы даем виновному преимущество. Пора признать, что убийца явно имел в виду преступления, совершенные двадцать лет назад. Не имеет смысла начинать с нуля. Преступления возобновились. И они продолжатся. Мы должны предупредить двадцатипятилетних жителей Алавы, носящих типичные для наших мест двойные фамилии. Мы не способны создать устройство, которое защитит пять тысяч молодых людей одновременно, но можем дать указания по безопасности. Чтобы не гуляли по улицам одни, не возвращались поздно с вечеринок. Пусть с ними всегда кто-то будет. Нельзя заходить одним в подъезд, отправляться по выходным одним в горы. Мы не знаем, где преступник ловит их или похищает, чтобы убить. Надо постараться максимально усложнить для него ситуацию.

Альба встала передо мной, сложив на груди руки.

– Мы не будем этого делать, – только и сказала она.

– Что? – откликнулся я, не веря своим ушам.

– Нельзя тревожить население еще больше. – Она покачала головой с неожиданным хладнокровием. – Если мы опубликуем советы по самозащите, это вызовет панику, и работать станет только сложнее. Я не хочу, чтобы начался хаос.

– Хаос уже начался, и устроил его убийца. Так значит, вы не согласны с тем, что наша задача прямо сейчас, сегодня – предотвратить следующее и более чем вероятное убийство юноши и девушки двадцати пяти лет?

Именно это казалось мне очевидным: поймать его до совершения следующего преступления.

Именно об этом и шла речь.

Я посмотрел на сидящих: на их лицах застыло странное выражение, словно я только что закричал. Возможно, я действительно закричал, сейчас уже не помню.

В эту секунду вошел Панкорбо, один из наших самых старых и заслуженных следователей, на ходу кончиками пальцев расправляя седые пряди вокруг гладкой седой лысины. Он что-то прошептал комиссару на ухо и бросил на нас обеспокоенный взгляд, вернулся к двери и исчез так же бесшумно, как и вошел.

Комиссар Медина провел пальцами между своими могучими бровями и на мгновение сжал веки.

– У вас компьютеры включены? – обратился он к нам.

Мы с Эстибалис пожали плечами, ничего не понимая.

– Да, разумеется, – ответила она.

– Тогда немедленно идите к себе в кабинеты, выйдете из интернета и выключите их. А заодно отключите интернет у себя в телефонах. Наш участок подвергся хакерской атаке.

Я побежал в кабинет, закрыл все документы, где описывал свои первые впечатления о случае в Старом соборе, и собрался выйти из почты, как вдруг обнаружил непочитанное сообщение. Увидев адрес отправителя, я почувствовал, как кровь стынет у меня в жилах: Fromjail, или, в переводе с английского, «Из тюрьмы».

Я знал, что по приказу начальства мы не имели права открывать новые сообщения, знал, что риск слишком велик. Знал, что...

Я открыл письмо. Текст был коротким и буквально пригвоздил меня к месту.

Кракен!

Мы с тобой можем объединиться и вместе охотиться за убийцей. Приезжай ко мне сегодня же. Сам понимаешь, это срочно. Он не остановится.

Со всем уважением к твоим методам расследования,

Тасио

3. Сабалья

25 июля, понедельник

Как он назвал меня – Кракен? Откуда Тасио Ортис де Сарате знал мое подростковое прозвище? Каким образом парень, который двадцать лет сидит за решеткой, вычислил меня и отправил мне электронное письмо, если в тюрьме у заключенных нет доступа к интернету? Это действительно он, или же это ловушка?

Я бросился в кабинет Эстибалис и закрыл за собой дверь.

– Тебе придется прикрыть меня или что-нибудь на-врать, – с ходу начал я.

– Не в первый раз, – проворчала она, подергав себя за рыжий хвост.

Эстибалис еще ни разу меня не подводила. Она была верна и надежна, как двигатель старого кубинского «Кадиллака».

– Я еду в Сабалью, мне надо поговорить с директором тюрьмы. Похоже, со мной связался сам Тасио Ортис де Сарате, хотя это мог быть и кто-то другой. В любом случае я должен допросить его лично, это единственный способ. Хочу понять психологию убийцы: если это последователь Тасио, есть определенные признаки, скрыть которые он не сможет. Начальство, в отличие от нас, не торопится, поэтому пока не будем ничего им сообщать. Официально я все утро с тобой, навожу справки о людях, имеющих отношение к Старому собору: священниках, церковном старосте, уборщицах, археологах и экскурсоводах, которые бывают там чаще других. Сегодня утром я связался с компанией по техническому обслуживанию, она называется «Альфредо Руис». Поговори с их менеджером; он предоставит тебе данные всех тех, у кого есть ключи от собора. Встретимся ровно в три в баре «Толоньо». Пообедаем и обменяемся новостями.

Я взял одну из служебных машин, белый «Ниссан Патрол», и отправился по N-1 в сторону пенитенциарного центра Алавы, к огромной тюрьме, где Тасио и остальные заключенные содержались с тех пор, как закрылась старая тюрьма, Нанкларес-де-Ла-Оса.

У Тасио имелось двадцать лет, чтобы, сидя в тюрьме, пересмотреть всю свою жизнь и создать себя заново. Он больше не был археологом и не собирался возвращаться к этой специальности; теперь он стал специалистом по криминалистике и писал сценарии сериалов. Новость о том, что он продал сценарий для детективного сериала за шестизначную цифру НХО¹³, американской компании, известной своими культовыми сериалами, позволила ему вернуться в заголовки газет. Это уж точно выгоднее, чем работать на Провинциальный совет Алавы.

Чуть позже, когда в средствах массовой информации восстановилась его известность, которая, судя по всему, была ему по вкусу, в Twitter появилась таинственная страница под именем пользователя @scripttipsfromjail. Внимание она привлекала тем, что в профиле была фотография Тасио в лучшие времена его жизни, немногим раньше совершенных преступлений: соломенные волосы, прямоугольная физиономия, белоснежная улыбка, широкая и обаятельная. Неотразимый парень, настоящий победитель.

Вверху страницы располагалась панорама Витории. Четыре самые высокие церковные башни: Старый собор, Сан-Висенте, Сан-Мигель и Сан-Педро. Знаковое изображение города, которое красовалось на наклейках и магнитах.

---

¹³ Авторский намек на кинокомпанию НВО, сделанный, по всей видимости, чтобы избежать обвинений в нежелательных совпадениях.

Личный профиль вызывал много вопросов: «Я всего лишь сценарист на ошибочной стороне реальности. True serial addict, fake serial killer. Тасио Ортис де Сарате». Что-то вроде «@советы начинающим сценаристам из тюрьмы». Затем каламбур, который можно было бы перевести как «Настоящий ценитель серийных убийств, ошибочно принятый за серийного убийцу».

Обычно он вывешивал советы типа: «Зритель должен с удовольствием ненавидеть твоего отрицательного героя». Или же: «Лучший способ создать драматическую иронию – сделать так, чтобы в первом же акте зритель знал больше героя», «Когда вы создаете своего отрицательного героя, имейте в виду, что злодеи не знают, что они злодеи. Это люди, которые ложатся спать с чистой совестью, уверенные в том, что поступают правильно».

Страница насчитывала полмиллиона подписчиков. Некто, вывешивающий по сто сорок печатных символов, выдавал себя за Тасио, при том что никто не мог понять, как тому удастся вывешивать твиты, находясь в тюрьме.

Мир разделился в зависимости от чувств, которые вызывало существование автора этой страницы: вся Витория его ненавидела, однако остальная планета, особенно юное поколение, не помнившее ужаса четырех двойных убийств, очарованное легендой о серийном убийце, продающем миллионные сценарии, боготворило каждую каплю мудрости, которая просачивалась в Сеть.

Подъехав к бескрайней тюремной парковке, я занервничал и принялся стучать пальцами по рулю.

«Брось свои глупости, ты уже взрослый», – упрекнул я себя. Просмотрел рекомендации, как избежать влияния манипуляторов и эгоманов, которыми нас снабдили в академии Аркауте.

Показал свой жетон офицеру у входа, круглолицему типу с плотно прижатыми к черепу ушами, и потребовал встречи с директором отдела уголовного розыска, чтобы сообщить ей о случившемся.

– Идите в коммуникационный модуль, – сказал тип, увидев мое имя и заглянув в свой список. – Заключенный Тасио Ортис де Сарате ждет вас в зале номер три.

Я удивился, но виду не показал. Вышел из главного здания и зашагал в указанном направлении.

Я миновал зеленый коридор, вошел в третий зал и сперва подумал, что ошибся. По ту сторону стекла, неподалеку от офицера, скучавшего в дверях, на черном пластиковом стуле сидел заключенный, с виду напоминавший токсикомана. Скелет с безумным взглядом, погруженный в себя, ожидающий визита кого-нибудь из родственников.

Я повернулся и взялся за ручку двери, чтобы выйти вон. И тут услышал, как костлявые пальцы барабанят по стеклу. Я поднял голову. Заключенный манил меня пальцем, указывая, чтобы я взял телефон с полочки из нержавеющей стали и занял свободный стул, в точности такой, как его.

– Чего тебе, лист бумаги? – спросил я, хотя знал, что мой голос не проникнет за толстое стекло.

Так и не присев, я взял телефонную трубку и поднес к уху; носки моих ботинок все еще были повернуты к дверям, чтобы поскорее уйти.

– Кракен... – прошептал хриплый голос; этот голос пронзил мой разум, как пуля, парализовав память.

На несколько секунд я превратился в статую, забыв даже дышать. Тасио тем временем поднял свой безумный взгляд и уставился на меня в упор.

Невозможно было соединить образ красивого и успешного мужчины, который хранился в моей памяти, с этим человеческим отрезьем. Тасио исполнилось сорок пять, но заключенный, которого я видел перед собой, казался намного старше. Сказать, что старость его испор-

тила, было бы слишком поверхностно – этот Тасио был грубой пародией на заключенного американской тюрьмы. Костлявый наркоман с салными патлами, кое-как забранными в хвост. Усы в форме перевернутой подковы, дикие и неуместные, будто бы только что из семидесятых, выглядели жуткими и комичными одновременно.

Нет, вру: все это выглядело пугающе.

Этот тип явно был не в себе. Вид у него был просто дикий. Как будто двадцать лет объезжал диких лошадей или что-нибудь похуже.

«Что с тобой сделала жизнь, парень?» – это было первое, о чем я подумал.

Непонятно, по какой-то причине эти слова вылетели из меня сами. Так бывает с пьяным или ребенком, которые не лгут.

– Что с тобой сделала жизнь, парень? – услышал я сам себя, будто под гипнозом.

Я сжал веки, когда понял вдруг, что уже поздно. Ничего себе начало...

– Именно это мы и попытаемся исправить, Кракен. То, что со мной сделала жизнь... – неторопливо проговорил он. Его слабый и какой-то замогильный голос врезался мне в барабанную перепонку и оцарапал ее.

Его медлительная речь действовала как героин; возможно, этот новый голос, на несколько тонов ниже того, что я помнил, был результатом многолетнего курения.

Тасио глубоко затянулся, спокойно выдохнул сигаретный дым и некоторое время возился с одной из пачек черного табака, лежавших с его стороны на железной полке. У него оставалась еще одна пачка, нераспечатанная. И две пепельницы. Да, именно две.

Он жестом предложил мне присесть, и наши отражения в толстом защитном стекле накладывались друг на друга подобно двойной голограмме.

– Ладно, – вздохнул я. – Давай сразу к делу. Почему ты меня позвал?

– Я очень обеспокоен, – произнес он наконец после молчания, длившегося, казалось, целую вечность. – Я выхожу через пару недель в тюремный отпуск¹⁴. Если преступления продолжатся, убийца найдет способ снова меня подставить.

– Подставить тебя? Но пока ты в тюрьме, как кто-то может тебя подставить?

– Не притворяйся – ты думал об этом, как и вся Витория, на протяжении последних часов. Вы думаете, что я подстрекатель. Вот почему я тебя позвал. Если я помогу тебе его поймать, Витория примет меня обратно.

– Примет тебя обратно? – недоверчиво повторил я. – После того, как ты убил восьмерых детей-вигорианцев? Ты понимаешь, что говоришь?

Тасио вновь посмотрел на меня потерянным взглядом. Помолчал, словно отвечать на мой вопрос не имело – смысла.

– Бесплезно убеждать тебя в том, что я невиновен в совершении первых восьми убийств. Знаю, в твоих глазах я обречен. Как и в глазах всего человечества. В первые годы я пытался, пытался изо всех сил. Для суда я нанял лучшую защиту, которую только имел возможность оплатить, но этого оказалось недостаточно. Затем, когда приговор был окончателен и меня посадили в Нанкларес вместе с другими заключенными, с теми чиновниками... Все вы меня осудили. Мне было сложно убедить себя в том, что ничего уже не поделаешь, что правда никого не интересует. Только факты: виновный сел в тюрьму, и убийства прекратились. Но я был как одержимый: мне нужно было понять, как случилось, что в течение нескольких часов люди, которые еще вчера просили у меня автографы, начали меня ненавидеть. Я занялся криминали-

---

¹⁴ В испанской пенитенциарной системе существует несколько видов тюремных отпусков в зависимости от тяжести преступления. Предполагается, что такие отпуска должны помочь с адаптацией после выхода из тюрьмы. Как правило, право на тюремный отпуск дается по истечении четверти срока наказания или в экстраординарных случаях (смерть близкого, тяжелая болезнь и т. д.). Во время такого отпуска заключенный носит браслет на ноге и находится под наблюдением правоохранительных органов, но в остальном может несколько дней провести как обычный житель города, а затем должен снова вернуться в тюрьму.

стикой, изучал психологию убийц, судопроизводство, поднял дела о серийных убийцах. Затем пристрастился к детективам и пересмотрел все то немногое, что сумел достать в тюрьме. Полюбил черные сериалы. Я начал понимать, что реальность и вымысел – братья-близнецы что они питают друг друга. Во всех этих историях есть план, завязка и развязка, герой, противоборствующие силы, союзники, враги, испытания... и подстрекатель. О чем я сейчас говорю? Эй, Кракен? О вымысле или реальности?

– Поэтому ты стал сценаристом...

– Я обнаружил, что неплохо разбираюсь в структуре истории. Она напоминает строительные леса. Остается только украсить здание, не так ли? Дело в том, что я выхожу на свободу через пятнадцать дней, и все это для меня очень плохо. Вот почему я хочу, чтобы мы помогли друг другу.

– И как ты собираешься мне помогать? Будешь расследовать это новое преступление, не выходя из тюрьмы?

– Видишь ли, у меня есть преимущество, о котором ты пока даже не подозреваешь. Я знаю, что не я подстрекатель убийцы, и знаю, что не был убийцей двадцать лет назад, поэтому сосредоточусь на том, кто мог это сделать. Однако для тебя я виновен в первой серии убийств, и сейчас ты вынужден будешь исследовать мой круг, чтобы исключить или, наоборот, подтвердить мое участие в качестве подстрекателя тех, кто пришел мне на смену. Это отнимет у тебя драгоценное время. Даже не сомневайся: убийце это только на руку.

«Договорились, Тасио. Давай сыграем в твою игру. И посмотрим, куда все это приведет».

– Предположим, вопреки очевидному, я тебе поверю, – сказал я в трубку, которая обжигала мне ухо. – Ты не был убийцей, тебя подставили, в точности как ты указывал в своих первых заявлениях...

– Ага, – кивнул он и махнул рукой с сигаретой, приказывая мне продолжать.

– Скажи, ты считаешь, что прошлые убийства совершил один и тот же человек?

– Я не видел фотографии. Можешь как-нибудь мне их показать.

– Не валяй дурака, Тасио, – перебил я его.

– Ладно. – Он откинулся на спинку своего черного пластмассового стула. – Итак, сейчас я достану археолога из чемодана. Первые убийства были теснейшим образом связаны с хронологией Алавы. Дольмен у Ведьминой Лачуги: энеолит, пять тысячелетий назад. Дети были новорожденными младенцами. Как в первые века человечества. Улавливаешь параллель?

Он имеет в виду, что преступник издевался? Что его мозг настолько извращен?

– Да, Тасио. У меня было двадцать лет, чтобы это понять. У меня и у всей страны.

– В таком случае ты знаешь, что будет дальше. Кельтское урочище Ла-Ойя, тысяча двести лет до нашей эры. Пятилетние дети. Соляная долина, первый век нашей эры. Детям по десять лет. Средневековая стена, одиннадцатый век. Мальчик пятнадцати лет и девочка того же возраста. Совсем юная.

Я отметил у него на лице едва заметную гримасу боли – уголки губ, опущенные вниз; затем он поднес ко рту сигарету, чтобы это скрыть. Не упустил я из виду и то, что он заменил обобщенное «дети» на уточнение «пятнадцатилетняя девочка». Было ли что-то личное в этом последнем преступлении? Надо будет тщательно покопаться в отчетах о первых убийствах.

– Что же дальше, Тасио? Ты заставил меня прийти, чтобы просветить?

Мою последнюю фразу он пропустил мимо ушей и потянулся ко мне вместе с телефоном, едва не коснувшись лбом стекла.

– Если следующих убитых вы обнаружили в Старом соборе, временные координаты указывают на двенадцатый век. Дальше он передвинется в следующие века. Теперь можете ожидать, что сцены новых преступлений будут связаны с эмблемами нашей истории времен Средневековья. Дом Анда, улицы ремесел: Пинто, Кучильерия, старый еврейский квартал. Возможно, Дом веревки. Жертвам будет по двадцать пять лет. Затем мы перейдем в Виторию

эпохи Возрождения. Остерегайтесь дворцов: Бенданья, Монтеэрмосо, Вилья Сусо... Уф, всего не перечислишь. Что вы собираетесь делать? Установите наблюдательные устройства?

Наглость какая! Я не выдержал и усмехнулся.

– Ты в самом деле думаешь, что я стану с тобой это обсуждать? Это все равно что дать написать список пожеланий. Шведский стол для убийств на любой вкус по выбранному сценарию.

– Ты так и не понял: я предлагаю тебе помощь. Я могу оказаться для тебя бесценным. Я лучше кого-либо знаю подробности предыдущих преступлений ведь все они были тщательнейшим образом разобраны во время суда. К тому же я больше кого-либо готов обсуждать с тобой все, что ждет тебя в дальнейшем расследовании. И ты обязательно вернешься в этот зал, чтобы попросить меня о том, что я сам тебе сейчас предлагаю.

– Договорились. – Я остановил его жестом. – Вернемся в исходный пункт. Предположим, я тебе верю. Предложи мне что-то, чего я сам не знаю; пусть это будет знаком доброй воли.

– Чего ты не знаешь... Я не знаю, чего ты не знаешь, Кракен. Не стесняйся, спрашивай обо всем, что пожелаешь.

– Ладно, раз уж ты сам предложил... Итак, какова причина смерти первых убитых?

– Тис.

– Тис? – повторил я, ничего не понимая.

– Да, яд тиса. – Он пожал плечами. – Доримские народы пользовались им для самоубийства. Есть свидетельства, что кельты использовали тис в качестве яда с третьего тысячелетия до нашей эры. Это один из тех секретов, про которые в наших краях не говорят вслух, но все пожилые люди, живущие в деревнях, про это знают. Кора, листья... в тисе ядовито все, кроме семян. Для кельтов это дерево было священным, они считали его бессмертным из-за долголетия. Когда же пришло христианство, тисовые деревья начали сажать возле церквей и кладбищ. Так сохранялись древние верования. До сегодняшнего дня.

В этот миг в глазах Тасио мелькнула знакомая искорка: передо мной снова был популяризатор, обожающий свою работу, который знал о нашей истории все и готов был поделиться своими знаниями.

– Звучит как лекция по археологии.

– Именно это и сказал судья, – разочарованно отозвался он, расплющив сигарету в одной из своих пепельниц. – Во время суда нас заставили посмотреть самую первую передачу, которую я записал для регионального телевидения, когда интернета еще не было. В ней я как раз рассказывал о тисе. Подробно объяснил, что пятьдесят граммов листьев тиса, сваренных в кипятке, способны убить ребенка или некрупного взрослого. Теперь ты понимаешь, почему я утверждаю, что убийца следил за моими выступлениями, прежде чем совершать свои преступления, и делал это таким образом, чтобы меня подставить. То же самое произошло с эгускилорами. В то время я воспринимал этот цветок как символ личной защиты, и использовал его всякий раз, когда представлялась возможность. Носил браслеты и подвески с серебряными эгускилорами. Один из них висел у меня в кабинете, его видели миллионы зрителей различных программ... Продолжать?

Мы смерили друг друга взглядами, и я не ответил. Двадцать лет назад пресса не упоминала об эгускилорах; казалось, Тасио готов был подробнейшим образом обсуждать каждую мелочь. Однако во вчерашнем экстренном выпуске также ничего не говорилось о том, что мы нашли рядом с трупами три таких цветка.

– Нет... ты мне не веришь, – снова пробормотал он. – И вряд ли поверишь. Что ж, ты не первый и не единственный за эти два десятилетия.

Затем прикурил новую сигарету, посмотрел на нее так, словно она была из золота, и наконец вспомнил, что я сажу перед ним.

– Итак... если ты спрашиваешь меня о причине смерти, не зная, что это был тис, получается, что убийца сменил орудие убийства?

«Спокойно, Унай», – осадил я себя.

– Я не собираюсь делиться с тобой этими сведениями.

Тасио воспринял мои слова как согласие.

– Это многое меняет. Какого черта он сейчас ищет? – пробормотал он, словно беседуя сам с собой. – Самое простое – это организовать преступления по той же схеме, совершить их точно так же, как в прошлые разы. Зачем что-то менять?

Он рассуждал вполголоса, неторопливо, провожая взглядом завитки дыма, как будто меня перед ним не было. Это придавало всей сцене дополнительную тревожность, как будто сумасшедший пытается что-то разглядеть сквозь дырочку в стене.

– Ну как, договорились? – внезапно спросил Тасио, поворачиваясь ко мне.

– Ты о чем?

– Я готов помочь тебе, когда ты зайдешь в тупик, я готов рассказать тебе все детали прошлых преступлений. В обмен на твои рассказы о том, как были совершены новые. Я хочу помочь тебе расследовать это дело, пока убийца вновь не начал убивать.

«По крайней мере в этом мы с тобой единомышленны», – вынужден был признать я.

– Для начала объясни мне, откуда ты знаешь, что меня зовут Кракен. Скажи, как ты проник в мой почтовый ящик, как завел аккаунт в «Твиттере» и совершил сегодня утром хакерский налет на полицейский участок. Скажи, кто за стенами тюрьмы выполняет твои поручения?

– Ты меня за идиота держишь? – улыбнулся он, показав серые разрушенные зубы.

– А за кого еще тебя держать, если ты отмотал двадцать лет за преступления, которых не совершал?

Тасио покраснел от ярости, вскочил и прижал зажженную сигарету к защитному стеклу на уровне моих глаз. Не привык, что кто-то его оскорбляет...

– Вон отсюда! – прорычал он во всю мощь своих голосовых связок. – Вон отсюда, а то покинешь тюрьму в пронумерованных ящиках.

На мгновение я удивленно замер: меня поразила вспышка гнева моего бывшего кумира. Затем медленно поднялся, увидев, что встревоженный шумом полицейский открывает дверь, и поспешил покинуть зал. Прежде чем повесить трубку, заключенный проводил меня взглядом. Его подбородок дрожал.

Машинально я подметил его слабые места: высокомерие, вспышки гнева и в довершение всего навязчивое и несбыточное желание обелить свое имя в Витории. Что ж, про это полезно помнить на тот случай, если придется на него надавить.

Впрочем, главное для человека моей специальности, иначе говоря, причина, по которой я хотел поговорить с ним лицом к лицу, – возможность сравнить, соответствует ли его характер убийствам в Старом соборе. Приступ гнева по столь незначительному поводу не вписывался в психологический портрет убийцы, этого в высшей степени организованного психопата, который совершил последнее преступление. Такой резкий ответ был скорее свойственен несдержанному психотику.

– Так дело не пойдет. Насчет меня ты заблуждаешься. Не смей думать, что ты способен мной манипулировать. Будь осторожен, Тасио, – предупредил я его и вышел из зала.

Когда в последнюю секунду я взглянул на него, мне показалось, что он в отчаянии. Что под маской заключенного, который давно привык к тюремной жизни, прятался испуганный пижон, который в течение двадцати лет носил эту маску, чтобы выжить.

4. Дворец Вилья Сусо

**Витория,
ноябрь 1969-го**

Возвращаясь домой после ночного вызова, он с удивлением увидел вдалеке ее фигуру и направился следом по улицам притихшего Старого города. Что понадобилось этой роскошной женщине ночью в снегопад, парализовавший всю Виторию?

Бланка Диас де Антоньяна, невеста могущественного промышленника Хавьера Ортиса де Сарате, хозяина «Феррериас Алавесас», печально брела по узкой дорожке, расчищенной от снега подметальными машинами.

Цепкий взгляд опытного врача подсказывал, что тут что-то не так. Он с беспокойством подметил легкую хромоту девушки. Почему Бланка не обратилась в клинику, чтобы ее осмотрел какой-нибудь его коллега?

Когда он дошел до квартала Санта-Ана, в лицо ударил ледяной ветер, и ему пришлось поднять воротник нового шерстяного пальто. В клинику Витории он устроился не так давно и большую часть жалованья потратил на гардероб преуспевающего врача. Его жена Эмилия ворчала. Она мечтала скопить денег, чтобы отдать обоих детей в колледж Святого сердца Иисуса. Но Эмилия не разбиралась в его работе, в новых отношениях в столице, и не понимала, что, если он принял решение больше не быть сельским доктором, ему придется общаться на равных с самыми влиятельными людьми города, а значит, нужно перенять их мимику, манеру одеваться, вращаться в кругу элитных невест и жен.

Таких, как Бланка.

Он изо всех сил скрывал нервозность, которую эта женщина вызывала в нем всякий раз, явившись в клинику на консультацию. В конце концов, врач есть врач, и только во вторую очередь – мужчина. Но когда Бланка покидала его кабинет, такая ухоженная, красивая, изящная, он всегда устраивал пятиминутный перерыв, прежде чем принять следующего пациента. Его медсестра, зрелая женщина, исполнявшая приказы, стоило ему бросить взгляд из-за дверей нового кабинета, все поняла с самого начала. Она была его молчаливой и сдержанной сообщницей.

Почему она не появилась раньше, почему они не познакомились в то время, когда не были оба связаны по рукам и ногам? На танцах в «Белом Слоне» или в салоне отеля «Канцлер Айяла», куда в воскресные вечера пускали посторонних, и молодые люди без обручальных колец на пальце предпринимали неуклюжие попытки познакомиться с нарядными девушками, которые в другом конце зала прятались друг за друга, стараясь держаться в рамках приличий...

Бланка свернула на улицу Санта-Мария. Казалось, она направляется к какой-то конкретной цели, словно лодыжка у нее не болела и она не боялась поскользнуться на тонкой наледи, намерзшей под слоем снега.

Он ускорил шаг, боясь потерять ее из виду. Его взгляд по-прежнему был прикован к светлым волосам этой стройной женщины. Как вдруг случилось нечто странное.

Она поднялась по лестнице дворца Вилья Сусо и остановилась на верхней ступеньке. Около пятидесяти ступеней и три этажа уровневого перепада отделяли ее от площади Мачете.

Он молча подошел сзади, не понимая намерений Бланки. В центре лестницы Сан-Бартоломе виднелась дорожка, очищенная от снега. Кто-то ее подмел, но по бокам возвышались сугробы, доходившие до высоты старых железных перил.

Бланка медленно повернулась, глаза ее были закрыты. Подняла и раскинула руки, но на ангела она похожа уже не была. Лицо, распухшее от ударов, заплывший глаз, разбитая губа, на подбородке высохшая кровь.

Он бросился ей на помощь. Бланка неловко покачнулась, как неодушевленный предмет. Но он уже был рядом: в последнюю секунду, едва не рухнув следом за ней, крепко схватил ее за запястье. Обнявшись, они покатались вниз по лестнице, пролетели несколько ступеней, и в считанных метрах от обрыва ему удалось затормозить неминуемое падение.

Бланка ничего не понимала. Значит, смерть не так страшна? Значит, это не больно?

Затем приоткрыла глаз – тот, что не заплыл от удара – и испугалась, увидев рядом с собой смутно знакомого человека. Она узнала его по рыжим волосам и доброжелательному выражению лица. Вежливый доктор с робкими манерами.

– Доктор Урбина? – застенчиво проговорила она. – Откуда вы здесь?

– Пытаюсь вам помочь. Что вы собрались сделать? Что? – не выдержав, крикнул он.

«Успокойся, Альваро. Она не должна видеть, что ты взволнован. Успокойся», – упрекнул он себя.

Они встали, смущенные столь близким контактом между врачом и пациентом. Машинально осмотрелись, но в этот предрассветный час в верхней части города еще никто не проснулся.

– На вас напали? Вы стали жертвой ограбления? Вас... кто-то ударил? Я должен немедленно доставить вас в клинику, – взволнованно воскликнул он.

– Ни в коем случае! – ответила Бланка, рефлекторно хватая его за плечо.

До Альваро Урбина значение слов дошло не сразу. Он в ужасе посмотрел на Бланку.

– Это не было нападением, верно? Это сделал кто-то из знакомых...

Бланка опустила глаза, собираясь промолчать. Она все еще была потрясена своей неудачной попыткой покончить со всем разом. Может быть, по этой причине она говорила больше, чем следовало.

– Вы же знаете моего жениха. Имеет ли смысл жаловаться? Скажут, что я это заслужила, и отчасти это верно. Он не знал о моей репутации. – Бланка вновь попыталась подняться по лестнице: было уже много времени. Она говорила больше для себя, чем для доктора, но была слишком возбуждена, чтобы вовремя остановиться.

Альваро следовал за ней на некотором расстоянии, не сводя глаз с ее хромающей ноги.

– О чем вы, Бланка?

– А вы ничего не знаете? Тогда лучше вам услышать все от меня, пока не рассказали другие, – ответила она, останавливаясь.

«Почему бы и нет?» – подумала Бланка, все еще не придя в себя после пережитого потрясения. – Этот доктор производит впечатление доброго малого, к тому же у себя в гинекологическом кабинете все равно рано или поздно он обо всем узнает».

– Это была ошибка юности. Я флиртвала с молодым человеком, деревенским парнем; это случилось на вечеринке в Сальватьерре во время праздника. Потом он попросил, чтобы мы зашли к нему взять пальто. Ветер дул северный, стало холодно, а я была наивна, вот и отправилась с ним на окраину деревни. Между нами не случилось ничего недозволенного – пока он ходил за пальто, я ждала у крыльца – но кто-то видел, как мы возвращаемся вместе, и рассказал, что мы якобы шли с сеновала. Поползли слухи, узнала моя семья, мой отец, родственники. Никто не поверил, когда я говорила, что это была всего лишь прогулка. По правде сказать, никого не беспокоило, правда это или нет. Им было все равно. Думаю, они мне верили, но им нравилась грязь, которой запачкали мою семью. В наших краях считается, что пойти с парнем на сеновал – самая страшная ошибка, из всех, что способна допустить незамужняя девушка. Отец страшно разозлился и обошелся со мной очень жестоко. Меня наказали, я больше не ходила на вечеринки, даже праздник Белой Богородицы просидела дома. Вокруг начали шутить, издевались, называя меня «Белой Богородицей»: это прозвище имело двойной смысл. У нас чуть что – придумывают кличку. С тех пор мою репутацию омрачало сомнение, девственница я или нет. Когда Хавьер начал за мной ухаживать, он не слышал эту историю,

а я ему ничего не сказала. Я полагала, что он обо всем уже знает, что я ему действительно нравлюсь и его не волнуют досужие сплетни, но месяц назад он узнал. Пришел на свидание и сразу же спросил, что это за история с Белой Богородицей... Сказал, что рвать со мной уже поздно, что приглашения на свадьбу разосланы его компаньонам и ничего уже не изменишь, в противном случае его фирму и семью ждет настоящий скандал. Мы уже были помолвлены... Но он разозлился, начались избиения. До тех пор он вел себя со мной очень сдержанно. Никогда не был особенно нежен, но внимателен и предупредителен. Я думала, он не захочет на мне жениться, в глубине души предпочла бы, чтобы так оно и было, хотя, разорви он помолвку, я уже никогда не вышла бы замуж. И все-таки...

– Вы напуганы, – перебил ее Альваро Урбина. Он и так уже знал достаточно.

– Мне страшно. Я все время боюсь, что он придет, на что-нибудь разозлится и снова меня ударит.

– Не выходите за него замуж, – внезапно сказал доктор. И покраснел до ушей; он не привык быть таким прямолинейным, но после истории про Белую Богородицу в груди у него кипела ярость.

– Я никто без фамилии, которую носит моя семья. Останусь старой девой. Профессии у меня тоже нет, несмотря на то что я хотела учиться. Я всегда много читала, хотя монашки утверждали, что девушке полезнее уметь шить и вышивать. Это не та жизнь, на которую я рассчитывала, – сказала Бланка в приступе откровенности. Видимо, у нее слишком долго не было близкой подруги, с которой можно отвести душу. Все старые подружки исчезли после той вечеринки в Сальватьерре.

– А у кого в наше время есть друзья? – печально отозвался доктор Альваро.

– У вас тоже их нет, доктор Урбина?

Он снова поднял воротник пальто. Было зябко, но ни за что на свете он не ушел бы с этой пустынной улицы, пока Бланка Диас де Антоньяна была рядом и так внимательно слушала каждое его слово.

– Я добился большего, чем могли себе представить родители, если они вообще о чем-то задумывались. Избежал нищеты и невежества, не ухаживаю за скотиной и не занимаюсь работой в поле. Но, как и все, я полностью завишу от выбора, который сделал, будучи, возможно, слишком юным. Со своей будущей супругой я познакомился еще в раннем детстве, мы с ней одного возраста. Вместе играли. В моей деревне детей было мало... Наверное, я думал, что это и есть судьба. Когда в четырнадцать лет поступил в семинарию, все уже считали нас женихом и невестой, – сказал он, подняв голову и посмотрев на далекие очертания здания, в котором провел не один год. – Мы переписывались, но когда я вызвался сопровождать падре Луиса Мари в миссию, отец Эмилии начал терять терпение. Я к тому времени еще ничего не знал и не видел, и был уверен, что в дальнейшем устроюсь рабочим в Витории с незаконченным средним образованием. Но, работая в миссии, почувствовал призвание к медицине. Пару раз вынужден был помогать во время срочных родов в ужасных санитарных условиях, и падре Луис Мари понял, что я слишком талантлив, чтобы тратить свое время на фабрике. Священники оплатили мне учебу, семья мною гордилась, и отец Эмилии тоже. Образованный зять, забравший дочь с собой в Виторию, – о лучшем он и мечтать не смел.

– Почему вы женились на Эмилии? Из чувства ответственности?

Альваро сжал зубы и отвел взгляд. Когда он вернулся из Эквадора уже почти взрослым мужчиной, она была почти безграмотной. Жизнерадостная, без особых манер, искренняя, простая... Она осталась такой же, как в детстве. Если он с ней порвал, замуж она уже не вышла бы.

– Для жителей деревни, – сказал он наконец, – она была моей невестой. Ни один парень не желал быть вторым. Боюсь, наши обычаи безжалостны к женщине. Я не мог бросить ее, обрекая на бесчестие. Эмилия не виновата в том, что я повидал мир и стал более разборчив.

– Вы порядочный человек.

«Если ты только знала», – проговорил он про себя.

– Не переоценивайте меня, Бланка. За мной много грехов – и мыслью, и словом.

– Но поступали вы по совести, – сказала она.

– Поступал по совести, это да.

– Думаю, это самое главное.

– В наших краях главное не только быть хорошим, но и выглядеть таковым. Это не мои слова – так сказал Юлий Цезарь о своей супруге Помпее Силе: «Супруга Цезаря обязана не только быть порядочной, но и казаться таковой», – произнес доктор.

Для Бланки эти слова прозвучали как пощечина. Они напомнили ей, почему она здесь, а также обо всем том, в чем призналась доктору Урбине. Наверное, она сказала слишком много. Как могла она быть такой наивной?

– Доктор, я бы хотела, чтобы никто не узнал о том, что вы видели и слышали сегодня. Надеюсь, вы умеете хранить профессиональные тайны, – сказала Бланка почти жестко. Она разозлилась, причем в большей степени на себя, чем на него.

Альваро в недоумении сделал шаг назад.

– Ничего не опасайтесь, прошу вас. Я не собираюсь кому-то что-то рассказывать и еще больше осложнять ваше положение. Вам и так хватает проблем. Но позвольте мне вам помочь.

– Помочь мне? Вы не можете ничем мне помочь. Прошу вас, не вмешивайтесь, забудьте про этот разговор и не вспоминайте, когда я в следующий раз приду в вашу клинику.

– Доверьтесь мне, – осмелился предложить он. – Я бы хотел быть вашим другом, доверенным лицом, утешителем. Кем-то, кто поможет вам в нынешней ситуации. Можете приходить в клинику, и я займусь вами лично, хотя это и не моя специальность. Обещаю вам свое молчание.

– Женатый друг? Вы еще не знаете этого города. Если все будет, как вы говорите, меня со свету сживут, а заодно испортят вам карьеру... Нет уж, доктор. Я вам этого не позволю. – Бланка покачала головой. – Не говорите никому о том, что мы виделись, пожалуйста.

И исчезла в конце улицы, где начинался квартал Пульмониас. Она брела, прихрамывая, понурив голову, а доктор глядел ей вслед, дрожа от холода и ярости.

Альваро Урбина отправился с женой и двумя детьми посмотреть на вертеп в натуральную величину, который устроили в парке Флорида. В последние дни он сильно нервничал – Бланка так и не пришла в клинику, меж тем со дня происшествия на лестнице Вилья Сусо прошел почти месяц. Он боялся за нее: неужели этот зверь, ее жених, снова поднял на нее руку?

Альваро позвал детей и Эмилию на прогулку, купил им пакетик жареных каштанов в уличном ларьке, оформленном наподобие железнодорожного вагона, и, опрокинув несколько рюмок в заведении под названием «Доллар», свернул на улицу Дато. Был тот час, когда члены Виторианского кружка, самого изысканного клуба в городе, покидали дома, чтобы провести вечер за кофе; их силуэты были видны в высоких окнах роскошного заведения.

Эмилия, пухлая смуглая женщина с румяными щеками, не переставая болтала о покупках к Рождеству. Жареный поросенок или баранина? Она никак не могла решить. Альваро рассеянно кивал, поглядывая на пары, пересекавшие порог этого мира гранатовых гардин и позолоты – мира, которому он не принадлежал, однако надеялся завоевать его в ближайшее время.

Доктор задержал взгляд, узнав промышленника – смуглого, крупного мужчину с широкой спиной. Его невеста Бланка Диас де Антоньяна выходила из клуба с ним под руку, обмениваясь сдержанными улыбками с другими супружескими парами. Ее волосы, выкрашенные по моде в светлый оттенок, были тверды от лака и тщательно уложены волнами до подбородка.

Держа Эмилию под руку, Альваро подошел поприветствовать обоих.

От него не ускользнул свежий синяк под глазом, видневшийся из-под толстого слоя обильной косметики. Ему стало больно, тем более что Бланка не пришла в клинику, о чем он так настойчиво ее просил.

– Добрый вечер, сеньорита, – сказал он, слегка наклонив голову.

– Доктор Урбина, какой приятный сюрприз, – сдержанно ответила Бланка. – Надеюсь, вы отлично проведете праздники с вашей очаровательной семьей.

– Да, несомненно. Увидимся в клинике, если вам как-нибудь понадобится туда зайти.

Она улыбнулась под внимательным взглядом будущего супруга, который пристально следил за сценой, не утруждая себя вмешательством. Они молча простились. «Вот и все, больше я ничего не могу сделать», – подумал доктор Урбина.

И все-таки что-то произошло: взгляд Бланки, одна лишняя секунда. Обещание «Увидимся», молчаливая просьба о помощи. Ощущение сообщничества, которого он до сих пор не испытывал ни с одной женщиной, не говоря уже о собственной жене.

Вскоре промышленник забыл о его присутствии. Он не заметил, что у семьи врача не было иного выхода, кроме как следовать по запруженной людьми улице в метре позади него, слушая их разговоры.

– Ты его знаешь? – спросил Хавьер Ортис де Сарате свою невесту.

– Еще бы. По-моему, это единственный рыжий доктор во всей Витории и окрестностях.

– Да, заметная личность. Он и его дети: у всех рыжие волосы. Это приличная семья?

– Не знаю.

– Значит, нет, – заключил он с оттенком презрения в голосе, который даже не потрудился скрыть.

Уже ночью, за запертыми дверями своего кабинета в квартире на улице Ондукас, Альваро извлек из замкнутого на ключ ящика блокнот с анатомическими рабочими зарисовками. На последней странице он по памяти нарисовал портрет Бланки, не утаив синяков и ссадин, нанесенных ее спесивым женихом, которые он угадывал своим врачебным глазом.

Эта дата навсегда останется у него в памяти, потому что именно этой ночью Альваро принял решение. И мысль эта, вопреки ожидаемому, его успокоила. Он привстал на своей стороне кровати, стараясь не касаться жаркого тела жены, и убедился в том, что та наконец уснула.

Некоторое время, прежде чем затеряться в дебрях сна, он машинально раз за разом повторял, как припев, слова, которые его утешали:

«Я убью Хавьера Ортиса де Сарате».

5. Дом веревки

25 июля, понедельник

Мне вовремя удалось добраться до бара, где мы с Эстибалис договорились встретиться. Июль изнурял город солнцем, падающим отвесно на улицы, недавно подметенные после лавины раздавленных пластиковых стаканчиков, которые участники праздничных гуляний бросали прямо себе под ноги. Метеослужбы предвещали жару в течение ближайших недель, хотя в Витории высокие температуры никогда не держались подолгу.

Я направился вверх по Куэста-де-Сан-Франсиско к Арочным террасам, в тот день заполненным торговцами чесноком, от которых воздух будто бы густел, заполняясь запахом серы, а тротуар покрывало целое море сухой белой шелухи. Сотни довольных пенсионеров в клетчатых рубашках и беретах возвращались домой со свисающей с плеча длинной чесночной связкой. Так было всегда. Этот обычай я помнил с детства: в День Сантьяго дед всегда возил нас с Германом в Виторию, и мы закупали чеснок чуть ли не на весь год.

Вскоре я оказался перед стеклянной дверью «Толоньо». Черный потолок, меню, написанное белым мелом на грифельной доске. Очень популярное, но при этом тихое, это кафе всегда действовало на меня умиротворяюще; оно было похоже на островок спокойствия, где я приходил в себя, прежде чем вернуться домой. Иногда заходил пообедать и возвращался с сытым желудком и выполненным кулинарным планом на весь день.

Эстибалис поджидала меня, сидя на табуретке возле змее-видной барной стойки светлого дерева.

– На твою долю я уже заказала, – начала она. – Ирландское рагу с грибами, запеченный чангурро¹⁵ и стаканчик красного. Сядем за столик или прямо тут?

– Спрячемся подальше; надо кое-что обсудить, и лучше, чтобы нас никто не слышал.

Наконец мы устроились за самым удаленным столиком в углу, в глубине зала. Эсти жевала брикс с морепродуктами, пока я ковырялся в ирландском рагу.

– Что-нибудь известно о хакерской атаке? – спросил я.

– Через пару часов все прекратилось, но причину мы так и не установили. Можешь снова включить у себя на смартфоне интернет. Надо бы тебе переслать сообщение, полученное от Тасио Ортиса де Сарате, и пусть они определяют, откуда оно было отправлено. Я еще ничего не сказала, но лучше бы тебе поторопиться: парни из информационного отдела уже копаются в наших компьютерах. Пусть они все узнают от тебя.

– Знаю, знаю, – вздохнул я, открывая мобильный. В «Вотсаппе» обнаружили двадцать четыре сообщения с различных номеров. Новому заместителю комиссара вряд ли понравится, что я отправился в тюрьму навестить преступника, не поставив ее в известность.

– Дай ей освоиться, у нее сегодня первый день, – сказала Эсти. – Я бы тоже боялась что-нибудь напортачить.

– Да, но из-за проволочек могут умереть еще два человека, – отозвался я.

В этот момент оба наших телефона одновременно запиликали. Эсти меня опередила и ответила первой. Выслушивая новость, вытаращила на меня свои карие глазища, в которых застыло странное выражение.

– Чертов колдун, – побледнев, сказала она мне и повесила трубку.

– Что случилось?

– Найдены еще два трупа. Тут, неподалеку. В Доме веревки.

---

¹⁵ Чангурро – запеченный краб, классическое баскское блюдо (*прим. переводчика*).

Когда я услышал ее последнюю фразу, кусочек жаркого упал на дно моего желудка свинцовой тяжестью. Да так и остался там, ненужный и чужеродный, как камень в туфле.

– Ты в порядке? – забеспокоилась Эстибалис.

– Да, – машинально ответил я. – Точнее, нет, я не в порядке. Подожди минуту.

Я направился в туалет, стараясь скрыть спешку, и, оказавшись у унитаза, изверг обратно всю съеденную пищу.

Я не хотел. Не хотел идти осматривать место преступления, не хотел снова видеть обнаженные молодые тела, мертвые тела, умершие отчасти и по моей вине. Сполоснул лицо и посмотрел в глаза никчемному типу, который выглядывал из зеркала.

«Ты слюняй, – сказал я Кракену в зеркале. – Ты не делаешь того, что должен. Кто на сегодняшний день умнее? Этот несчастный или ты?»

Через полминуты мы подъехали к дому 24 на улице Кучильерия. Дом веревки был построен в конце XV века, примерно в то время, когда Католические Короли изгнали евреев из Испании. Однако один из них, богатый торговец сукном Хуан Санчес де Бильбао, не только принял христианство и остался в городе, но и построил знаменитое здание, которое с течением веков оставалось нетронутым и заслужило почетное место среди самых выдающихся архитектурных памятников Витории.

Своим любопытным названием оно обязано францисканскому поясу, обвивавшему одну из массивных стрельчатых арок входа. Этот фасад туристы фотографируют в первую очередь, но для меня с ним связаны другие, более прозаические воспоминания: пакетики жареной картошки с кетчупом, масляные и горячие, которые в два часа ночи мы покупали в «Амариу», баре напротив. Я сидел на ступеньку под дверцей между двумя арками Дома веревки, держа пакетик озябшими пальцами.

Потом когда я вырос, меня начала интересовать история – самозабвенная страсть Тасио, – и я обнаружил, что богатый выкrest Хуан Санчес де Бильбао приказал построить здание в столь игрушечных пропорциях, чтобы заставить старых христиан преклонять перед ним голову, когда они входят в его дом для заключения торговых сделок. Очаровательная, тонкая месть. Сам не знаю почему, но в тяжелые моменты мне приходят в голову самые тривиальные воспоминания. Прямо удивительно.

В этот проклятый день ничто не казалось таким, как прежде. Территорию огородили красно-белой пластиковой лентой. Две машины похоронной службы «Лаусурика» ожидали в верхней части улицы.

У входа мы с Эсти поздоровались с Руисом, одним из наших офицеров, и вошли в тяжелую средневековую деревянную дверь.

– Замок взломан? – спросил я.

– Нет, не тронут, – ответил Руис, пожав плечами.

Здание принадлежало Социальной службе «Банка Витории». Войдя, мы увидели два офисных стола, стоящих у входа на первый этаж, а на потолке и колоннах – затейливую смесь стекла и массивного дерева.

Судья Олано спустился по лестнице, ведущей в сводчатый зал, великолепное квадратное помещение с ярко-голубым куполом. Купол украшали звездочки, вырезанные между арками, на которых удерживалось это впечатляющее сооружение.

– Пришли осмотреть место преступления? – спросил он нас с мрачным видом.

– Да, разумеется. Нам только что о нем сообщили, – ответила моя коллега, вытянувшись по стойке смирно.

– Хорошо, тогда я ухожу. С вами остаются криминалисты – они еще не сделали все фотографии. Можете обменяться впечатлениями с судмедэкспертом и поговорить с моим секретарем, чтобы подписать акт. Гнусный способ прервать застолье, – с досадой проворчал он.

На секунду наши с Эстибалис взгляды встретились. Мы поднялись по ступеням, переводя дыхание.

В центре зала, в окружении нескольких техников отдела криминалистики и доктора Гевары, лежали два обнаженных тела, вновь ориентированные на северо-запад. Три эгускилора лежали вокруг них, как крошечная солнечная система, претендующая на то, чтобы тоже участвовать в инсталляции.

– Клянусь бородой Одина... – ошарашенно прошептал я на ухо Эстибалис. – Они убили какого-то северного бога.

Действительно, лежавший перед нами на полу обнаженный молодой человек казался посланцем Вальхаллы. Высокий, невероятно светловолосый, светлые глаза смотрят в усеянное звездами небо средневекового свода, руки покрыты татуировками в виде племенных знаков.

– Этот парень истратил на татушки целое состояние, – шепнула моя коллега. – Что думаешь, Унаи?

Я присел рядом с телом Тора и мысленно повторил привычное заклинание:

«Здесь кончается твоя охота и начинается моя».

Переждал несколько секунд, подумал еще раз и ответил:

– Несмотря на вызывающий антураж, думаю, перед нами еще один ребенок из благополучной семьи. Грудь и ноги эпилированы, лобок побрит... В жизни палец о палец не ударил. Очень следил за собой, а обходится это недешево. При этом его внешний вид не сочетается с подружкой, которую подобрал ему убийца. Не думаю, что они были знакомы при жизни. Полные противоположности.

Девушка была небольшого роста; коротко, почти по-монашески остриженные каштановые волосы. Невзрачная, маленькая, она принадлежала к тому типу людей, которых никто не замечает, в отличие от псевдомолодчика, который нежно касался ее лица своей ручищей. С виду обоим около двадцати пяти лет; впрочем, им запросто могло быть и двадцать два года, а может, и двадцать семь.

– Что мы имеем, доктор Гевара? – спросил я, подойдя к судмедэксперту и не сводя глаз с лежащих у моих ног юноши и девушки.

– В двух словах: двойное убийство, идентичное вчерашнему. Я переслала на почту вашей коллеге отчет о вскрытии первых двоих погибших. Мы наблюдаем множество сходных черт: похоже, эти двое также умерли от удушья, вызванного укусами пчел в горло. Сюда их перенесли уже мертвыми и уложили в эту позу до наступления трупного окоченения. Умерли менее трех часов назад. Забираю их на вскрытие, любопытно увидеть результаты токсикологической экспертизы. Если прошлой ночью они участвовали в гуляньях, и, возможно, в их организме обнаружатся следы наркотических веществ. Как и в предыдущем случае, кисти рук и ногти целы, хотя я все равно приказала их обследовать. Похоже, они не сопротивлялись, но на шее также имеется след, напоминающий укол. В остальном я не вижу следов насилия, за исключением того, что рот им залепили клейкой лентой, а затем эту ленту сорвали – возможно, перед тем, как убийца перенес их в это помещение и убедился, что оба мертвы. Но у меня есть любопытная находка. Взгляните сюда.

Доктор Гевара протянула прозрачный пластиковый пакет, внутри которого лежала пчела.

– Она потеряла брюшную полость и внутренние органы и, видимо, была одной из тех, кто убил девушку. Я знакома с директором Музея меда в Мургии, выясню у него потом кое-что. Как только все узнаю, вышлю отчет. Эгускилоры, или *Carlina acaulis*, также подвергну анализу. Мы уже изучили те, что найдены в часовне Старого собора, но определить их происхождение сложно. Это довольно распространенное растение, оно растет на горных склонах, лугах, полянах... Их могли нарвать где угодно, – сказала судмедэксперт, бросив последний взгляд на распостертые тела. – Я вам еще нужна?

– Думаю, нет, – ответила Эстибалис. – Но держи нас в курсе всего, что покажется интересным.

– Так я и сделаю. Всего доброго.

Мы вышли из Дома веревки, когда сотрудники похоронной службы пришли забирать тела. На улице любопытные пешеходы замедляли шаг и, не останавливаясь, бросали беглые взгляды на оперативников, загородивших проход со стороны Кучильерии.

Эстибалис остановилась перекинуться словечком с одной из сотрудниц, и мы с ней простились, жестом договорившись «встретиться внизу». Я спустился по кварталу Сан-Франсиско, где по-прежнему толпились продавцы чеснока, не желавшие покидать свое место, чтобы перекусить, как вдруг со мной поздоровался смуглый тип, степенный и хорошо одетый. Это был Марио, Марио Сантос, правая рука директора «Коррео Виториано» и, пожалуй, один из самых симпатичных журналистов.

Я улыбнулся, мы обменялись рукопожатиями. Да, у меня действительно был друг-журналист. Он был сдержан, а его хроники всегда были отлично написаны. Элегантный в письме, он был так же элегантен и в поведении. Никогда не выходил из себя, пропускал мимо ушей, когда я повышал тон, хотя мог бы выжать из моих реакций всю кровь, вызывая полемику на пресс-конференциях. Пару раз, к большому моему облегчению, он продемонстрировал, что с ним возможен *off record*¹⁶. С течением лет я ценил его все больше, и, несмотря на то что он был старше, иногда мы пересекались в центре и пили кофе в «Эль-Прегон» или «4 Асулес», чтобы поболтать обо всем и ни о чем: о последнем матче «Басконии»¹⁷ или работе нового гражданского центра, не слишком вдаваясь в детали нашей личной жизни. Это был свой человек в прессе.

– Как дела, инспектор Айяла?

– Как видишь, Марио. Работа кипит.

– Думаю, что и беспокойства с ней немало.

– Что собираешься публиковать?

С ним можно было говорить прямо, не то что с другими журналистами, с которыми первым делом необходимо прощупать почву. Между нами было что-то вроде мужского договора.

– О вчерашнем происшествии мало информации, о сегодняшнем и того меньше. Много слухов, много звонков. Директор просто обезумел, прет как танк, ты же его знаешь. Но думаю, речь идет об очень серьезном деле, особенно для такого города, как наш, и не хотелось бы публиковать ничего вызывающего. Вчера был канун Сантьяго, а сегодня начались приготовления к празднику. Не думаю, что следует вызывать коллективный психоз в такие важные дни. Можешь рассказать мне что-нибудь прямо сейчас или лучше подождать?

– Дай мне немного времени, чтобы я встретился с начальством. Тебе позвоню первому, договорились?

– Очень на тебя рассчитываю. Если позвонят из «Диарио Алавес», можешь предупредить меня, прежде чем они что-то предпримут? – спросил Марио, пристально глядя на меня своими карими близко посаженными глазами. У него был умный взгляд, которым он смотрел на все спокойно и невозмутимо. – Ты и представить себе не можешь, как восприняла наша редакция их вчерашний экстренный выпуск, с которым они так шустро подсустились.

Мгновение я размышлял, но пришел к выводу, что лучше согласиться.

– Договорились. Можешь на меня рассчитывать.

«Диарио Алавес» ругали за желтизну, ее заголовки всегда звучали чересчур громко. «Коррео Виториано» держалась более трезвой и строгой позиции; благодаря нашей дружбе

---

¹⁶ Не для протокола (англ.).

¹⁷ «Баскония» – баскетбольный клуб из Витории.

вторая публикация звучала более разумно и осмысленно. Помимо Марио, был еще и Лучо, мой давний и близкий друг и один из ярких представителей нашей компании: он отвечал за раздел новостей в «Диарио Алавес», и у нас не раз возникал конфликт интересов. Лучо пытался использовать наши тусовки, чтобы выжать из меня побольше сведений, а у меня в итоге появились проблемы с начальством из-за утечки информации. Я был уверен, что в этом случае у нас также возникнут проблемы. И не потому, что он был чертовым ведьмаком, как утверждала Эсти, а потому, что десять из двадцати четырех сообщений в «Вотсаппе» были от Лучо, а значит, в наших отношениях ожидалась бури с градом.

Через полчаса мы с Эстибалис были в полицейском участке. Поднялись сразу на третий этаж и вошли в кабинет заместителя. Нам довольно долго пришлось ждать – в кабинете раздавался один звонок за другим, пока Альба над нами не сжалась и не выключила телефон.

Наконец мы встретились с ней глазами и целую секунду смотрели друг на друга. «Видишь, что творится? Теперь у нас четыре трупа. С тебя не хватит?» – хотелось сказать мне. Но нам надо было обсудить много разных тем, и лучше было начать сначала.

– Заместитель комиссара, – сказал я, усаживаясь. – Мы только что с нового места преступления в Доме веревки. Но прежде всего я должен сообщить вам, что случилось сегодня утром. Когда во время хакерской атаки я собирался выключить компьютер, некто, представившись Тасио Ортисом де Сарате, прислал мне письмо по электронной почте, потребовав сегодня же встретиться в тюрьме. Я отправился в тюрьму Сабалья, чтобы проверить, действительно ли сообщение отправил Тасио, а заодно выяснить, не причастен ли он к этому новому делу. Главным образом я хотел удостовериться в том, что психологический профиль заключенного совпадает с профилем убийцы, совершившего вчерашнее и сегодняшнее преступления. Пришлю вам подробный отчет о разговоре, который состоялся между нами. Но резюме таково: Тасио не признался прямо, что каким-то образом стоит за хакерской атакой, но, думаю, он сделал это намеренно, для отвода глаз, чтобы отдел кибербезопасности был занят и не мог отследить IP-адрес компьютера, с которого было отправлено электронное письмо.

Я пересказал заместителю комиссара наш разговор, поведал о популярном аккаунте в «Твиттере», который якобы принадлежит Тасио, и о его предложении сотрудничать со мной в раскрытии преступлений.

– Похоже, он снова хочет стать героем Витории, – добавил я. – Вот и собирается помогать в поимке виновного.

– Если Тасио подстрекатель, – перебила меня Эстибалис, – и кто-то из его последователей виновен в новой волне преступлений, возможно, он все организовал так, чтобы подставить фактического преступника и мы его арестовали.

– Вы полагаете, он способен рисковать собственными помощниками? – спросила заместитель комиссара.

– Почему бы и нет, – Эсти пожала плечами, – для него они всего лишь инструменты, так же как и жертвы. Если вы заметили, убитые довольно безлики, они лишь фрагменты его инсталляции. Возможно, он убедил кого-то наиболее внушаемого из своих последователей вести себя так, как на его месте вел бы себя сам. Подражатель все сделает так, как делал он двадцать лет назад, и в конце концов Тасио освободят. Если он осуществит свой план и поможет нам, то станет героем.

– Но почему он затеял все это именно сейчас, когда получил право временно выйти на свободу? – настаивала Альба.

– Потому что он не просто хочет вернуть себе свободу, – предположил я. – Прежде всего он не желает быть изгоем, врагом общества номер один, серийным убийцей, который вышел на время, отсидев большую часть срока. Он мечтает, чтобы все вернулось к ситуации, предшествовавшей падению. Чтобы положение дел оставалось таким же, как, цитирую дословно, «за

несколько часов» до его задержания, чтобы Витория снова оказалась у его ног: слава, почитание, социальное положение... Не хочет прятаться от людей после выхода на свободу.

– Это согласуется с тем фактом, что за два десятилетия он так и не продал свою квартиру на Дато, – добавила Эстибалис. – Я проверила по земельному реестру сегодня утром. Он мог бы сделать это, назначив своего представителя, но собственность по-прежнему зарегистрирована на его имя и за двадцать лет не поменяла владельца.

– Это означает, что, выйдя из тюрьмы, он предполагает жить на прежнем месте. Можете себе представить, что будет каждый раз, когда он выйдет на улицу? Его дом в самом центре Витории, все будет его узнавать. Вся Витория будет в курсе того, что он на свободе. Он не желает быть злодеем в собственном городе, – сказал я.

Альба Диас де Сальватьерра прикусила губу, на ее лице отразилась досада. Наконец она встала.

– Вы должны были предупредить меня заранее и, разумеется, обсудить со мной целесообразность посещения этого заключенного. Подождите меня здесь, я схожу в отдел по борьбе с киберпреступностью. Инспектор Айяла, ваш компьютер будет контролироваться до следующего распоряжения, – сказала она, застегивая синий пиджак своего приталенного костюма, и покинула кабинет.

Увидев, как она уходит, я не выдержал и глубоко вздохнул. В течение нескольких секунд смотрел на закрывшуюся за ее спиной дверь. Наконец взял себя в руки, несмотря на подавленность.

– Итак, Эсти, движемся дальше. Какие новости ты хотела рассказать мне в «Толоньо», когда нас перебили?

– У меня есть список сотрудников, у которых имеются ключи от Старого собора, но директор сообщил мне одну деталь, которая может тебя заинтересовать. Пару недель назад одна из археологов, отвечающая за проведение туристических экскурсий, попросила сделать ей копию, потому что не могла найти свою связку. Она утверждает, что потерять их не могла, что она очень аккуратна и всегда держала их при себе. Уверена, что их украли. Это случилось во время последней вечерней экскурсии, которая начинается без четверти восемь. Когда через час экскурсия закончилась, уже почти стемнело. Во многих уголках собора, где проходят экскурсанты, видимость очень плохая, и кто-то незаметно стянул связку.

– У нас есть списки ежедневных посетителей?

– Да, директор мне их передал. Но имей в виду, что записывают только имена, удостоверение личности не требуют. Если кто-то идет на экскурсию, чтобы украсть ключи, а затем подбросить в собор пару трупов, вряд ли он назовет свое настоящее имя. Это было бы непростительной ошибкой – на такую способен только начинающий, что плохо сочетается с тем, как безупречно он совершает свои преступления.

– В любом случае все имена следует проверить, – повторил я. – Кстати, удалось выяснить, кем были вчерашние жертвы?

– У нас все утро оперативная система в нерабочем состоянии, Унаи. Мы не могли ничего выяснить. Есть сотни заявлений, которые необходимо проверить и сверить данные с описанием трупов. Но, думаю, вскоре мы всё узнаем. Для начала я попытаюсь найти базу данных всех пасечников в нашем районе. Впрочем, есть полно любителей, которые занимаются этим делом для себя и не имеют лицензии на продажу меда. В долине Горбеа многие держат ульи; если всех их вносить в список, он станет бесконечен. Даже у моего отца на даче была маленькая пасека, еще в те времена, когда он не страдал Альцгеймером, – пробормотала она, понизив голос, как будто ее пугало даже звучание этого диагноза.

Отец ее был еще совсем не стар, однако недавно его поместили в специальное отделение дома престарелых в Чагорричу, где лежали пациенты, страдающие болезнью Альцгеймера.

– Думаю, мой старший брат избавится от ульев, – продолжала Эсти, вертя ручку своими крошечными пальчиками. – Я всегда их боялась и никогда не подходила близко. Очень жаль, что вчера я недостаточно быстро среагировала, когда изо рта парня вылетела пчела. Пчелы реагируют на адреналин, который мы, люди, выделяем в стрессовых ситуациях. Они чувствуют угрозу и кусают, поэтому пасечники должны быть людьми уравновешенными, с достаточным эмоциональным интеллектом, чтобы, приближаясь к ульям, контролировать себя. А я вечно нервничаю с меня хватило нескольких укусов, чтобы понять, что лучше их не трогать.

В этот момент вернулась помощник комиссара. Лицо у нее было серьезным, она выглядела усталой, но все мы знали, что впереди у нас долгий рабочий день.

– Итак, специалисты по киберпреступлениям займутся вашим компьютером, инспектор Айяла. А сейчас мне хотелось бы услышать ваше мнение об этих четырех убийствах.

– В общих чертах есть три гипотезы, – сказал я, вставая из-за стола. Не знаю почему, но стоя мне проще выражать свои мысли. – Или, если хотите, три теории. Теория А: Тасио совершил предыдущие убийства, а сейчас действовал как подстрекатель. Это означает, что он оказывает влияние на кого-то за пределами тюрьмы, что вполне сочетается с тем впечатлением, которое Тасио произвел на меня этим утром: умен, проницателен, с высоким чувством собственного достоинства. Все черты лидера.

– Каковы мотивы преступления? – поинтересовалась она.

– Хочет перевести стрелку и на другого, как, по его утверждению, поступили когда-то с ним. Сейчас он в тюрьме и не может быть исполнителем преступления.

– Хорошо, – вздохнула она. – А теория В?

– Вторая более логичная: убийца – его брат.

– Его брат Игнасио? – недоверчиво повторила заместитель комиссара. – Это невозможно; он бывший полицейский, у него безупречная репутация и...

– Знаю, знаю, – перебил я ее. – Но дайте мне по крайней мере все объяснить, потому что теория эта весьма правдоподобна. Она заключается в том, что Игнасио был убийцей и двадцать лет назад, и сейчас. Он совершил преступления за несколько недель до освобождения брата-близнеца, чтобы Тасио обвинили вновь и он остался в тюрьме. Мы не знаем: возможно, Тасио пригрозил ему мстью или сказал, что убьет его, как только окажется на свободе. Самым подозрительным кажется то, что убийства прекратились на два десятилетия, а сейчас возобновились. Как бы ни противоречили характеристики Игнасио психологии убийцы, мы не можем игнорировать хронологию событий.

– Перейдем к теории С. Не желаю больше слышать про Игнасио, – сказала заместитель и сложила руки на груди.

– Единственный оставшийся вариант – есть другой подстрекатель, не связанный с Тасио. Некто независимый и неизвестный, встрявший в отношения братьев, но не имеющий с ними ничего общего. Однако тут многое не сходится. Кто бы это ни сделал, сценарий и все детали продуманы до последнего штриха и исполнены с чрезвычайной тщательностью. С первого раза такое обычно не получается, первые преступления – полный провал: начинающие убийцы совершают роковые ошибки. Преступник явно убивает не впервые, и, насколько мне известно, подобных убийств раньше не было – по крайней мере, в Алаве.

– Итак, – сказала заместитель, – ищите похожие двойные убийства с обнаженными трупами или погибших от укусов пчел. Наверняка чего-то мы не учли; быть может, убийства были, но менее ловкие и не такие безупречные.

– Кракен, возьми это на себя.

– Почему Кракен? – заинтересовалась Альба Диас де Сальватьерра.

Я бросил на Эстибалис испепеляющий взгляд.

– И все-таки, что за Кракен? – настаивала заместитель, и мне показалось, что она немного побледнела.

– Это кличка, которую мне дали, когда я был еще подростком. Почему она вас заинтересовала?

– Вскоре после хакерской атаки мы мониторили аккаунт в «Твиттере», о котором вы говорили. Кажется, Тасио оставил вам сообщение.

Она взяла телефон и показала нам последний твит на аккаунте Тасио, написанный всего полчаса назад.

«Герою нужен наставник, тот, у кого уже есть подобный опыт. От тебя зависит, будет ли этот наставник светлым или темным, #Кракен».

Я провел пальцем по переносице. Все это мне не нравилось. Совсем не нравилось.

– Вот гад, – прошептал я наконец.

– Мы должны еще раз побывать в тюрьме и поговорить с директором, – сказала заместитель. – Надо выяснить, как заключенный связывается с внешним миром и отправляет свои твиты. Также предстоит выяснить, не нарушается ли какой-нибудь закон и не покрывает ли его тюремное начальство.

– Я займусь этим, – перебил я. В этот миг мне пришла в голову идея, как продолжить расследование; идея не слишком обычная, но, возможно, более эффективная, чем допрашивать директора тюрьмы Сабалья.

– Вы, конечно, можете туда съездить, но мне бы не хотелось, чтобы вы навещали Тасио Ортиса де Сарате.

– Что? – переспросил я, не веря своим ушам. – Это единственная твердая ступенька, которая у нас сейчас есть, и вы запрещаете мне ею воспользоваться?

– Это опасно.

– Опасно? Между нами двойное защитное стекло и охрана у дверей. Что может быть менее опасным, чем встреча с ним в тюрьме?

– Я не имела в виду физическую угрозу. Я имею в виду психологическое манипулирование.

– Вы считаете, что я к этому не готов, что я недостаточно хорош как профессионал? – Я повысил голос.

– Вы меня слышали. Я не буду с вами это обсуждать. И хочу, чтобы до окончания рабочего дня вы предоставили подробный доклад, как и о чем беседовали с заключенным.

Эстибалис смотрела на меня молча; в ее глазах я прочитал: «Сдавайся, ты проиграл».

Она была права: я связан по рукам и ногам. Терпеть не могу, когда во время расследования меня хоть как-то ограничивают. Абсурдное упорство заместителя комиссара замедляло наш ритм, и, если преступник убивает каждые несколько часов, запереть меня в кабинете – все равно что оставить ребенка без присмотра в кафе-мороженом.

Я сел, ожидая, пока она закончит. Мне уже было все равно.

– И последнее, – сказала заместитель комиссара, протягивая мне листок бумаги. – Вот официальный пресс-релиз, отредактированный нашим отделом по связям с общественностью. Единственные подробности – приблизительный возраст жертв и время обнаружения тел. Мы дали рекомендации насчет самозащиты, как вы и настаивали, инспектор Айяла. Мы не выйдем за пределы этого документа, не будем указывать дополнительные подробности. Результаты расследования будут засекречены до нового приказа.

– Хорошо. Я отправлю это моему человеку в прессе, – сказал я.

– Как только появится какая-то новость, немедленно сообщите мне. А теперь можете идти.

Я покинул кабинет моей новой начальницы с таким чувством, словно меня отшлепала, следы от шлепков болят до сих пор и будут болеть еще несколько дней. Эстибалис тоже выгля-

дела удрученной. Я знал ее не первый день и догадывался, что ее мозг работает в эти минуты с нечеловеческой скоростью.

– Кстати, о бумагах, Эсти. Мы должны получить доступ к отчетам о преступлениях двадцатилетней давности. Тасио сообщил кое-какую информацию, которую надо бы проверить.

– Я думала об этом. Идем со мной в кабинет. Я попросила Панкорбо, чтобы он нашел мне все необходимое.

– Почему Панкорбо? – удивился я. Панкорбо был инспектором, и я не понимал, какое отношение он имеет к этому делу.

– Потому что он был напарником Игнасио Ортиса де Сарате, когда произошло то несчастье; раньше Панкорбо работал в отделе криминального расследования. Перевелся после двойного убийства у Средневековой стены. Думаю, оно тогда всех потрясло.

– Панкорбо? – переспросил я. Непросто было воспринимать этого посредственного следователя в паре с кем-то столь блестящим, как Игнасио Ортис де Сарате. Вряд ли они представляли собой гармоничное сочетание.

– Да, он самый, – сказала она, входя в мой кабинет.

На ее столе из белого пластика мы нашли невзрачную коричневую папку с толстой стопкой листов внутри. Поспешно открыли доклад и следующие полчаса сидели, обложившись бумагами, пока не нашли фотографии.

Наверное, я не был готов к тому, что увидел.

А лучше бы наоборот.

Мне хотелось бы думать, что готов. Но, увидев фотографию двух голеньких новорожденных, мальчика и девочку, прижавших ладони к щекам друг друга, и три эгускилора, разложенные вокруг посиневших лиц на шелковистой траве дольмена... Все равно что увидеть тех, которые так и не родились на свет, которых я так и не узнал, – тех, кого до сих пор звали тысячей имен, потому что мы с Паолой так и не успели выбрать для них имя...

Возможно, прошло больше времени, чем мне казалось, потому что лицо Эстибалис внезапно очутилось прямо передо мной. Обеспокоенно глядя мне в глаза, она подняла мою безжизненную руку, лежащую поверх фотографии мертвых детей. Видимо, я рефлекторно закрыл ладонью фото, да так и сидел, не в силах шевельнуться, застыв в неподвижности, как вся моя жизнь на той дороге среди равнодушно шумящих прямых сосен.

– Кракен, с тобой всё в порядке? Может, на сегодня достаточно?

– Мне бы... мне бы глоток воды и немного проветриться, – сказал я, резко поднялся и вышел из кабинета.

Через некоторое время вернулся, немного успокоившись. Я знал, что Эстибалис никогда никому не расскажет о моих причудах.

– Итак, давай сосредоточимся на содержании доклада, – пробормотал я. Эсти молча кивнула.

Пробежав глазами бумаги, я посмотрел на нее в некоторой растерянности.

– Что такое? – спросила она.

– Непорядок с отчетом по одной из последних жертв: девочке пятнадцати лет. В отчете о визуальном осмотре места преступления говорится о следах спермы и возможности сексуального насилия, или по крайней мере сексуального контакта незадолго до смерти. Все должно было подтвердиться при вскрытии. Однако отчета о вскрытии я не нахожу.

Эсти быстро посмотрела на меня, поискала среди бумаг и отрицательно покачала головой. У нее отчета тоже не было.

– Почему из восьми убийств не хватает единственного отчета о вскрытии – по пятнадцатилетней девочке?

«Совсем юная, сказал Тасио», – вспомнил я.

Все это обескураживало... Я и понятия не имел, что какое-либо из преступлений двадцатилетней давности имеет сексуальный мотив, пресса ни разу такого не упоминала. Об этом нигде никогда не сообщалось.

Кто из своих мог украсть результаты вскрытия, чтобы никто не узнал, что на самом деле произошло с девочкой?

Я посмотрел на свою напарницу, она ответила выразительным взглядом.

Настал момент лично познакомиться с Игнасио Ортисом де Сарате, неподкупным полицейским, сдавшим своего брата.

На рассвете я надел кроссовки и отправился на пробежку. Витория была тиха и безлюдна, словно старательно делая вид, что непричастна к преступлениям, осквернившим ее улицы. Я изменил обычный маршрут – мне не хотелось встречаться с... вообще ни с кем. Пробежал по бульвару Гастейс, параллельно трамвайным путям, и свернул на улицу Басоа. Затем миновал Серкас Бахас и наконец ее увидел.

Мне не хотелось останавливаться. Только не в этот день, когда я чувствовал себя таким униженным.

Я ускорил бег и посмотрел в другую сторону, но столкнулся с ней около башни Доньи Очанды. Она окликнула меня первая:

– Исмаил...

– Бланка... – только и сказал я, направившись своей дорогой.

Так установились рамки наших двойных отношений. Днем – инспектор Айяла и заместитель комиссара Диас де Сальватьерра.

Рано утром – Бланка и Исмаил.

6. Улица Дато, 2

29 июля, пятница

«Что общего между этими последними смертями? Смотри в корень, исследуй психологию жертв, # Кракен».

Таков был твит, который я прочитал в пятницу за завтраком. Аккаунт Тасио за последние несколько часов пополнился тридцатью тысячами новых подписчиков, и #Кракен превратился в один из трендов этого дня. Мой темный ментор не желал терять влияния на средства массовой информации и был настолько самонадеян, что пытался влиять даже на меня во время расследования.

Однако в эту пятницу героем дня был не Тасио, а его брат Игнасио.

К сожалению, вскоре после того, как Тасио оказался за решеткой, он покинул свою службу в полиции. До тех пор героем СМИ был его брат-близнец. Но именно та фотография, сделанная предательски и опубликованная на первой странице «Диарио Алавес» двадцать лет назад, превратила его в героя, достойного всеобщего восхищения.

Игнасио сам явился в тот день в суд делать заявление. Выражение его лица было скорбно; он даже смахнул якобы набежавшую слезу, сжав челюсти и всем своим – показывая, что для него это худший момент жизни. Эта сдержанная решимость человека, способного донести на брата, оказавшегося серийным убийцей, всех нас тогда потрясла.

Что послужило поводом – об этом полиция не спросила. Если самый близкий и дорогой человек оказался убийцей, донесешь на него или будешь покрывать его злодеяния? А если бы мой дед оказался палачом и садистом времен гражданской войны? Во время учебы в академии Аркауте¹⁸ я изучал доклады об аргентинцах, потомках немцев, которые в ужасе обнаружили, что их деды были нацистами, военными преступниками. Как примирить в себе два этих образа, две несовпадающие реальности? Сможешь ли ты снова обнимать дедушку, нежно целовать в лоб, смотреть в глаза? Сдашь ли ты такого родственника? Перестанешь ли с ним общаться, любить человека, который тебя растил, который в течение всей твоей жизни давал тебе столько любви и нежности?

После этого события Игнасио возглавил целую серию разоблачительных передач, столь модных в конце девяностых. Он был строг и последователен, оставался вдали от желтизны других каналов и заработал хорошую репутацию. Затем исчез с экранов. Говорили, что денег, заплаченных ему за эти передачи, хватит на то, чтобы не работать всю оставшуюся жизнь. В Витории его приглашали участвовать во всех мероприятиях, связанных с городом. Как правило, приглашение он принимал, неизменно корректный, полностью соответствующий своей роли. Но последнее время следы его затерялись, и когда Эстибалис позвонила мне утром, чтобы сообщить о предстоящем визите, я, не раздумывая, согласился.

Мы с Эстибалис добрались на машине до бульвара Гастейс, каким-то необъяснимым чудом припарковались перед треугольным зданием суда и направились в ресторан «Сальдиан», единственное заведение в городе, имевшее мишленовские звезды.

Благодаря любезности Панкорбо моя коллега раздобыла телефон Игнасио Ортиса де Сарате, и мы условились встретиться у него дома на улице Дато двумя часами позже. Но меня от природы отличает болезненное любопытство, на что наложила также отпечаток профессиональная деформация, и отказаться от гастрономического приключения, да еще в компании

---

¹⁸ Баскская академия полиции, расположенная в Алаве.

самого Игнасио, было выше моих сил. Дни *Slow Food Araba*¹⁹ начинались в одиннадцать утра, и мы с Эстибалис оделись чуть более формально, чем обычно, чтобы соответствовать духу этого заведения. На Эсти было коктейльное платье, такое же алое, как и ее волосы, на мне – узкий темно-синий костюм.

Мы вошли в стеклянные двери этого гастрономического храма и двинулись по коридору, отделанному деревянными панелями. Зал ресторана был переполнен. Сотни телефонных экранов, поднятых над головами, отбрасывали вспышки, напоминающие фейерверк на празднике Дноности.

– Ты что-нибудь видишь? – спросила моя спутница, немного растерявшись.

Как можно деликатнее потеснив публику, я попытался, пропуская Эстибалис перед собой в дальний конец зала.

– Думаю, наша звезда на фотосессии, – неуверенно сказал я.

Вытянул шею и наконец увидел Игнасио. Он с решительным видом позировал перед многочисленными фотоаппаратами: передо мной был герой моей юности на двадцать лет старше. Человек, достигший достойной зрелости, а не жалкий тюремный отщепенец. По сравнению с Игнасио, Тасио выглядел как нищий дед своего брата-близнеца.

На холеной физиономии Игнасио не было ни следа морщин, ни темных мешков под глазами. Волосы аккуратно подстрижены, такого же темно-русого оттенка, какой я запомнил, ничего общего с седыми космами брата. Крепкое мускулистое тело тренированного спортсмена. Дорогой приталенный костюм, узкие брюки. Хорошо подобранный галстук. Английские замшевые туфли, большие фирменные часы. Безупречно выбрит, как в настоящей старой цирюльне.

Им невозможно было не восхититься; особенно для женщины подобной Эстибалис. Я даже почувствовал укол ревности, что в целом было мне несвойственно.

Игнасио улыбался на фоне логотипа ракушки и рекламных плакатов *Slow Food Araba*. Перед ним на столе красовался целый ассортимент гурманских блюд нашей провинции. Со своего места я видел баночки с черными трюфелями из Алавы, горшочки с медом из Горбеа, сплетенные из рафии²⁰ мешочки с крашеной алавской фасолью, а также несколько бутылок местного чаколи²¹.

Обо всех этих продуктах Игнасио рассуждал со сдержанным воодушевлением ювелирного мастера. Подмигивал, оснащал свою речь шутками и остротами, вызвал нескольких счастливых из первых рядов, чтобы угостить чаколи, и не отказывался позировать для снимков в окружении избранных, которые беспрерывно улыбались и смеялись его шуткам, одурев от счастья и не в силах противиться неповторимому шарму этого небожителя.

Когда вспышки наконец погасли, Игнасио посмотрел на часы, поблагодарил своих помощников очаровательной улыбкой и собрался покинуть сцену.

Но в этот миг на него обрушился шквал неприятных вопросов от представителей прессы.

– Игнасио, для «Эуропа-Пресс»: что ты думаешь по поводу убийств в Старом соборе и Доме веревки? Связан ли с этими преступлениями твой брат?

Все затаили дыхание: журналист был слишком прямолинеен. На пару секунд воцарилась тишина, но на лице Игнасио не дрогнул ни единый мускул. Искренняя улыбка оставалась на месте, как будто ничего не случилось.

– Мирейя, ты же знаешь, я не собираюсь делать заявлений на эту тему. Это не мое дело. А сейчас с вашего позволения...

---

¹⁹ *Slow Food Araba* – название местной (баскской) организации, занимающейся проведением различных гастрономических мероприятий.

²⁰ Рафия – натуральное волокно, которое производят из листьев пальмы (прим. переводчика).

²¹ Чаколи – традиционное домашнее баскское вино (прим. переводчика).

– Последний вопрос. – Вперед вышел молодой парень с выраженным британским акцентом. – Это для Санди таймс...

Публика выжидающе обернулась к английскому журналисту. Если вмешается европейская пресса, у нас с Эсти не останется шансов. Но, похоже, присутствие международных СМИ несколько не поколебало Игнасио.

– Повторяю, – оборвал он журналиста изящным кивком. – Я не намерен ничего сообщать. Я никак не связан с этим печальным происшествием. Благодарю вас за проявленный интерес и присутствие на мероприятии, столь важном для отечественной гастрономии. Всем доброго дня.

Игнасио покинул сцену, но в зале его мигом окружила толпа: какие-то шишки с радио, телевидения, а также – безымянная публика, норовившая сделать с ним селфи.

– Эсти, – шепнул я коллеге, – проберись к нему и скажи, чтобы шел в мужскую уборную. Здесь его заживо сожрут.

Я покинул конференц-зал ресторана и спросил, где туалет. Оказавшись внутри, подождал несколько минут, пока Игнасио не вошел вслед за мной, запер за собой дверь и прислонился спиной к стене. Закрыв глаза, поднял лицо к потолку и испустил долгий вздох.

– Инспектор Айяла, – представился я, протягивая ему руку для рукопожатия. – Мы договорились встретиться у вас дома в час дня, но, думаю, покинуть это место вам будет не так просто. Вы на машине?

– Нет, пешком, – ответил он, крепко пожав мою руку. – После дня Сантьяго люди с ума посходили, останавливают меня на улице, чтобы брякнуть первое, что в голову взбредет. Однако я не предполагал, что безобидное кулинарное шоу станет смертельной ловушкой. Боюсь, все будет так же, как двадцать лет назад: придется прятаться.

– Мы с коллегой припарковались неподалеку, возле здания суда, – перебил я его, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более участливо.

– Это что, полицейская машина? Меньше всего мне хотелось бы, чтобы люди видели, как я сажусь в патрульную машину. Это вызовет еще больше конспирологических теорий.

– Нет, машина обычная.

Бывший инспектор полиции взял ситуацию в свои руки.

– Ты выше и крепче меня, к тому же в штатском, – сказал он. – Скажи своей подружке, чтобы вышла первой, села за руль и остановилась возле ресторана. Когда выйдем, прикрой меня и отвернись от камер, чтобы тебя не узнали. Сделаем все возможно, чтобы наши физиономии не появились сегодня на обложках газет.

– Договорились.

Я предупредил Эстибалис, и через пять минут мы уже штурмовали человеческую стену, ожидающую на выходе из «Сальдиарана». Я загородил Игнасио, ставшего невольной жертвой собственной славы, и мы прорвались к машине, заметив, что задняя дверь приоткрыта.

– Вы по-прежнему предпочитаете, чтобы мы отправились к вам? – спросила Эстибалис вместо приветствия, вырuling к синему мосту.

– Да, машину оставим на парковке у Нового собора, и оттуда дойдем пешком до Дато.

Через некоторое время мы стояли у дверей его дома под номером 2 по улице Дато. Это был памятник архитектуры, унаследованный братьями Ортис де Сарате от родителей и проданный по самой высокой цене на аукционе «Феррериас Алавесас» сразу же после их смерти, когда самим братьям было по восемнадцать. Ни один из них не пожелал продолжать дело отца, необходимости работать у них не было, однако у каждого имелось призвание: один хотел быть следователем, другой – археологом. Каждый добился в своей области больших успехов.

Они купили себе квартиры на самой известной улице города: улице Дато. В самом начале, на углу с Постас. Один напротив другого. Словно каждый из братьев хотел царить на своей стороне улицы. Левая – для тебя. Правая – для меня. Окна Игнасио выходили на площадь

Белой Богородицы, Тасио – на Фуэрос. В ту пору никто не сомневался в том, что весь мир будет у их ног.

Мы поднялись на третий этаж на новом современном лифте, и Игнасио открыл бронированную дверь своего просторного жилища. Очень мужской декор в серых и охристых тонах казался произведением дизайнерского искусства, хотя я сразу подметил одну деталь, которая меня заинтересовала. Отметил и отложил на потом, заставив себя сосредоточиться на стратегическом опросе, ждавшем нас впереди.

Я не любил планировать разговор со свидетелями или подозреваемыми в форме допроса. По опыту знал, что в небольших городах, таких как Витория, люди склонны закрываться, уходить в себя и придерживаться спасительного молчания. Я всегда заранее заготавливал вопросы, соблюдая определенный порядок: от наименее компрометирующих до наиболее сложных для ответа. Эти вопросы были подобны буйкам, по которым я следовал, пока не пришвартовывался в интересующей меня гавани.

В тот день я мысленно составил маршрут, перечислил пункты, в которых по выходе из дома Игнасио у меня должна установиться полная ясность: знакомые тех лет, темы в СМИ, исчезнувший отчет о вскрытии, выход на свободу его брата Тасио.

– Спасибо, что согласились принять нас у себя дома.

– Прошу, обращайтесь ко мне на «ты», мы знакомы как минимум пару лет.

– Пять, – не удержался я.

Услышав цифру, Игнасио нахмурился; думаю, он подумал о том, что я в курсе всех деталей его дела.

– Хорошо, пять, – повторил он, пристально глядя на меня. Между нами троими, стоящими в огромной гостиной, чьи белые отреставрированные окна выходили на улицу Дато, повисла напряженная тишина. – Хотите молодого вина? Руководство *Slow Food* сотрудничает с винодельней, где изготавливают алавесскую риоху, пользующуюся большим успехом на международном рынке. Мне бы хотелось, чтобы вы ее отведали.

– Благодарю, Игнасио. Ты же знаешь, мы на службе, – отозвался я.

– А я бы попробовала, – поспешила моя напарница.

Я выразительно посмотрел на Эстибалис. Она так же, как и я, не слишком придерживалась общепринятых правил, но оба мы тщательно скрывали это на публике.

– Устраивайтесь. Садись в это кресло, а ты сюда. – Игнасио указал на два одинаковых дизайнерских черных кресла, стоящих друг против друга возле элегантного столика, стоявшего посреди гостиной. – Схожу за вином.

Он оставил нас и направился на кухню за бутылкой. Вернувшись, налил бокал Эстибалис и уселся на середину дивана, словно соблюдая симметрию композиции. Странно: как в театральной сцене с заурядным монтажом.

Игнасио пригубил вина и поставил бокал на столик перед собой, затем потянулся за другим, пустым бокалом, который я счел приготовленным для меня, однако хозяин мне его не предложил. Некоторое время он развлекался, переставляя перед собой бокалы – пустой и полный.

Два одинаковых предмета.

В этой квартире все было обставлено и украшено парными предметами, словно в ней жили два человека, а не один завязанный холостяк.

– Так, значит, ты сотрудничаешь со *Slow Food*? – спросил я с неподдельным интересом. – Наверное, это необычное чувство – иметь дело с продукцией, цена которой заканчивается километром нулей.

– Еще бы! Мы работаем без посредников, все продукты местные: черные трюфели, картофель из Алавесских гор...

– А медом вы тоже занимаетесь? – перебила его Эстибалис самым безразличным тоном, на который была способна.

– Да, как раз я занимаюсь именно медом, – рассеянно ответил Игнасио. – Пчелы – это целый завораживающий мир, правда?

– Несомненно, – ответила Эсти. – На ферме мы с родителями всегда держали ульи, просто так, для себя, а заодно чтобы иметь какой-то доход от сельского хозяйства. В районе Горбеа почти все держали пасеку: это считалось традицией.

Игнасио усмехнулся, как будто мы рассказали ему анекдот, который понимал только он один. Затем поставил свой бокал, на этот раз пустой, на подоконник и посмотрел на улицу через белые перекладины оконного переплета.

– Если вы не возражаете, я бы перестал кружить вокруг да около. Задавайте вопросы, которые собирались задать при встрече. У меня нет ни малейшего намерения препятствовать расследованию.

Я вздохнул с облегчением: пары-тройки буйков не понадобится.

– Спасибо за прямоту, Игнасио.

– Человек может перестать быть полицейским, но в его мозгу остаются те же самые схемы, которым нас обучали в академии, – сказал он, обращаясь больше к себе, но не переставая осматривать здание напротив. – Эти четыре убийства, а также все предшествующие двадцатилетней давности наверняка добавили вам целую гору нерешенных вопросов.

– Раз так, начнем, – сказал я. – Мне хотелось бы расспросить тебя о проблемах со СМИ. Видишь ли, нельзя отрицать, что первые преступления принесли программе Тасио невиданный успех. Насколько мне известно, его археологическая передача прошла незамеченной в сетке местного телевидения. Но как только он начал разрабатывать теорию об исторической подоплеке каждого убийства, мигом превратился в звезду. Кто ее возглавлял, когда твой брат...

– Мой брат-близнец, – машинально поправил меня Игнасио, как будто речь шла о чем-то значимом.

– Хорошо, твой брат-близнец. Итак, кто возглавлял программу, когда твой брат-близнец подписал контракт с национальным телевидением? Наверное, ее владельцам было неприятно: ставку сделали на Тасио, а тот перешел на национальное телевидение, потому что популярность его достигла пика.

– Ты ищешь мотивы?

– Всего лишь прикидываю, сколько актеров было задействовано в этом спектакле. Можешь назвать главное имя?

– Инес Очоа, – пробормотал он. – Инес Очоа заправляла в то время всей компанией.

– Ты ее знаешь?

– Прежде чем ты все выяснишь сам, мне бы хотелось, чтобы ты услышал мою версию событий. Инес Очоа была и по-прежнему остается директором всех программ регионального канала. А теперь я тебя опережу и отвечу на вопрос сам: да, именно она предложила мне вести программу об убийствах, которую я записал вскоре после ареста моего брата-близнеца. Сначала я отказал, мне не хотелось иметь ничего общего с этой темой. Я знал, что на меня обрушится с критикой вся Витория, ведь история с задержанием моего брата-близнеца была все еще слишком свежа. Но Инес Очоа настаивала на том, что лучше я сам опишу случившееся, чем это сделают газеты – в итоге они напишут то, что кажется им наиболее подходящим. Я подумал, что, изложив все как есть, я совершу достойный поступок.

– Ты раскаиваешься? – спросила Эстибалис.

– Каждый день, – пробормотал Игнасио, в отчаянии махнув рукой.

– А саму Инес Очоа эти убийства как-то обогатили?

– Вначале, когда за дело взялся мой брат-близнец, это было ей на руку. Но затем оmlет перевернулся, и она потеряла звезду, которую со временем заменила мною. Одного близнеца

заменяла другим. Мерзавца – героем. Моя популярность и ажиотаж в рядах рекламодателей возместили ей расходы, потраченные на меня.

– Похоже, у тебя связаны с ней не самые лучшие воспоминания.

– У меня не осталось хороших воспоминаний ни о чем из того, что происходило в то время, – уклончиво ответил Игнасио.

– Знаешь, где ее можно найти? – продолжал я.

– Глупый вопрос, – устало ответил он. – Ты – следователь, и за две минуты сможешь получить любые данные без моей помощи. На самом деле тебе интересно узнать, общаемся ли мы с ней по сей день. Мой ответ – нет. Спроси на телевидении про Каменную Даму. Но будь осторожен: такие, как она, всегда приземляются на четыре ноги, как кошка. И не передавай ей от меня привет.

«По меньшей мере любопытно».

– Должно быть, за двадцать лет многое изменилось, – сказал я. – Ты очень помог бы нам, если составил список тех, с кем вы с Тасио общались в то время. Общие друзья, личные друзья. Коллеги, члены семьи... Можешь составить список из человек... допустим, пятнадцати? Мы бы сэкономили время.

– Вы хотите пересмотреть старое дело?

– Не будем притворяться: ключи к раскрытию этих преступлений находятся в прошлом. Думаю, ты это тоже понимаешь. К списку приложи, пожалуйста, номера телефонов, чтобы в случае чего мы могли их допросить.

Игнасио задумчиво кивнул, вид у него был растерянный. С того момента, как он пересек порог своего убежища, его лоск сильно поубавился.

– Да, мне это кажется верным решением, – кивнул он наконец. – Сегодня же составлю список. Я на вашем месте действовал бы так же. Что-нибудь еще?

– Мы получили допуск к старым делам. Недостает отчета о вскрытии девочки пятнадцати лет, – сказала Эстибалис.

Игнасио пожал плечами, не выказав особого интереса.

– Спросите Панкорбо. Могу вас заверить, что, когда я оставил дело, все отчеты и результаты вскрытий лежали в соответствующей папке. И разумеется, все было на месте.

– Ты доверяешь Панкорбо?

– Да, конечно, – поспешно ответил он с притворной, как мне показалось, улыбкой. – Я не имел в виду, что Панкорбо имеет какое-то отношение к исчезновению отчета о вскрытии этой девушки. И не стоит обманываться тем, что он такой тихий и невзрачный парень. Он гораздо ярче, чем кажется на первый взгляд, но надо потратить много часов, наблюдая за ним, чтобы это понять. Я имел в виду, что вот уже двадцать лет не имею ни малейшего отношения к вашей работе. Наверняка за это время произошла тысяча перемен. Панкорбо вел со мной дело и оказал расследованию неоценимую помощь. Это единственный человек, пришедший мне в голову, который был бы способен навести вас на мысль, в какой момент отчет мог пропасть.

– Ты не придаешь большого значения этому отчету. А не думаешь ли ты, что он был похищен намеренно и кто-то из полиции не хочет, чтобы знали, что именно произошло с девушкой?

– Восемь серийных убийств, – пробормотал Игнасио, как будто в прошлом произнес эти слова раз сто. – Все это произошло двадцать лет назад. Простите, если я забыл какие-то подробности своей жизни за такое долгое время, особенно те, что связаны с делом. Не выношу дежавю.

– Но с телом девушки с самого начала было не все в порядке. Ты не мог про это забыть. Твой брат был знаком с ней лично?

– Насколько мне известно, нет.

– Знал ли он лично кого-нибудь из убитых им детей?

– Насколько мне известно, нет.

– А семьи кого-либо из убитых?

Он отрицательно покачал головой.

– Насколько тебе известно, нет, – подсказала Эстибалис.

– Это были ритуальные убийства. Не стоит искать какие-то совпадения. Я исследовал возможные связи между жертвами, и это отняло у меня драгоценное время, которое понадобилось бы для предотвращения других смертей, – последние два слова он произнес с таким видом, будто откусил лимон, чей сок разъедает ему рот. – Это были ритуальные убийства. Эгускилары, древний яд, тела, ориентированные на северо-запад, как это делали язычники в древние времена...

Наконец-то мы приблизились к сути дела.

– Тебя потрясло, что убийца – твой брат-близнец?

Игнасио потер пальцами переносицу, словно у него разыгралась мигрень.

– Тасио прошел через темный период, когда готовил дипломную работу по своей теме. Занялся изучением событий в Сугаррамурди²². Вы слышали об аутодафе в Логроньо в 1610 году, когда одиннадцать жителей города обвинили в колдовстве и приговорили к сожжению на костре? В те годы, когда Тасио учился в Наварре, он много общался с коллегой, не помню имени, но это был парень гораздо моложе его, отъявленный радикал, любитель всяких странностей. Язычество, оккультизм, синкретизм... все темные «измы», которые только приходят в голову. Они общались около четырех лет. Вначале эта дружба меня пугала, пока Тасио не рассказал, как они познакомились. – Он искоса посмотрел на нас, размышляя, рассказать нам еще что-нибудь, или достаточно.

Я посмотрел на него умоляющим взглядом. К счастью, он продолжил:

– Время от времени Тасио употреблял марихуану и прочие незаконные вещества. Мне это не нравилось, я всегда уважал общепринятые нормы, но никогда его не осуждал. Я предпочитал, чтобы он мне доверял и понимал, в какие ввязался неприятности. Как раз в то время ему захотелось поэкспериментировать; его приятель был дилером из тех, что продавали свой товар в барах Кутчи. Они отлично ладили, хотя парень был почти подросток, а Тасио уже окончил учебу.

Игнасио умолк. Казалось, ему непросто делиться своими воспоминаниями.

– Пожалуйста, продолжай, – попросил я, испугавшись, что он умолкнет. – Ты говорил про то, что его друг увлекался язычеством...

– Да, так оно и было. Как-то в один из выходных они отправились в пещеру Акеларрен-лесея, или, если угодно, Сонгинен Лесея. Пещера Шабаша, или Ведьмина пещера. Жители деревни так и не договорились между собой, как ее называть. Они собирались воспроизвести ритуал шабаша, основываясь на описаниях в текстах, которые изучали в университете, в основном – оригиналах свидетельств во время процессов XVI века. Принесли с собой все принадлежности языческого ритуала: напитки, натуральные краски для начертания символов... Были у них и эгускилары. Эти растения пригодны не только для защиты: их корень, добавленный в дистиллированную воду, якобы обладает свойствами афродизиака... Они привезли с собой двух девушек, с которыми встречались в то время. В точности их планы мне неизвестны. Тот парень мне не нравился, он был экстремал и водился с людьми, которые... Вы меня понимаете. Из-за моей работы в полиции мы были естественными противниками. Не знаю, что произошло в пещере в тот день, знаю только, что все они принимали наркотики. Тасио вернулся удрученный, я бы даже сказал, испуганный. Зрачки расширены, мышцы напряжены, брадикардия и учащенное сердцебиение напоминая американские горки. Я не отходил от него целую неделю. Хотел допросить его приятеля, но Тасио мне не позволил. Он ничего не рассказывал,

---

²² Сугаррамурди – наваррская деревня, где в начале XVII века проходили знаменитые процессы над ведьмами (*прим. переводчика*).

но там явно произошло что-то серьезное, поскольку больше с тех пор они не общались. Не знаю, ответил ли я на твой вопрос. Человек не желает видеть, что перед ним, пока это что-то не перейдет в наступление.

Настал черед более сложного вопроса.

– Как ты относишься к тому, что твой брат скоро выйдет из тюрьмы? За эти двадцать лет вы общались? Был какой-то контакт? – спросил я, хотя мне было сложно поддерживать нейтральный тон, произнося эти слова.

Игнасио отрицательно покачал головой и посмотрел на меня виновато, как провинившийся школьник.

– Я его сдал. Разве после такого можно продолжать общение?

Я молчал. Мне хотелось, чтобы он говорил дальше.

– Ты не понимаешь, – наконец продолжил Игнасио. – У меня было две жизни. Одна – жизнь брата-близнеца, неотделимого от своей второй половины. Другая – жизнь единственного сына. В тот день мы окончательно разделились.

«Отлично. Сейчас передо мной настоящий Игнасио, а не обертка, которую он желал нам предъявить», – подумал я.

– В ближайшее время он временно выйдет на свободу. Вы с ним увидите, возобновите общение?

– Это наши с ним дела. – Игнасио повернулся к нам и встал, не скрывая скверное состояние духа. – Не хочу быть грубым или невоспитанным, но вы обязаны с уважением относиться к моей частной жизни. Я не очень люблю говорить о своих делах, а это – самое суровое испытание в моей жизни. На этой неделе все сошло с ума, в барах только о нем и говорят; не знаю, хотел бы я снова все это пережить... Это чертовски неудобно. На праздники Белой Богородицы я запланировал несколько мероприятий: обеды с друзьями и спонсорами брендов, которые я представляю, коррида... Я купил билеты несколько месяцев назад, но теперь, возможно, отправлюсь в Лагуардию, в свой загородный дом, и проведу лето там, пока все не уляжется.

– А сейчас будь любезен, проводи нас до выхода, – поспешил я.

– Для полицейского ты очень вежлив. Спасибо, что хоть в чем-то я выгляжу достойно.

– Взаимовыручка полицейских, – сказал я, вставая и протягивая ему визитную карточку. – Пришлешь мне список на мой электронный адрес?

Я надеялся, что компьютерщики привели в порядок компьютер, и Тасио больше не сможет получить доступ к моим сообщениям.

– Вышлю через пару часов, ты же знаешь, я готов на любое сотрудничество, – повторил Игнасио, будто желая вновь подчеркнуть, что он на светлой стороне.

Мы с Эсти шагали по улице Дато. Утро выдалось таким жарким, что надетые на встречу платье и костюм казались неуместными, а Эстибалис к тому же мешали туфли на каблуках. По выражению ее лица и походке я угадывал, что она готова снять их и метнуть прямо в статую Путника, трехметрового парня, отлитого из бронзы, – символ и самый любимый сувенир нашего города.

– Идем со мной, – предложил я, когда мы поравнялись с кондитерской «Гойя». – Мне нужно что-нибудь сладкое, чтобы лучше думалось.

Мы вошли в одну из самых старых кондитерских Витории, знаменитую своими «васкитос» и «нескитос», квадратными шоколадными конфетами, которые выпускаются с 1886 года: лакомство наших бабушек и дедушек по-прежнему оставалось в топе продаж сладостей на всем севере.

– Полкило чайного печенья. Только, пожалуйста, непременно с мармеладом, – попросил я продавщицу, женщину среднего возраста, с бордовыми волосами, которая в очередной раз

проигнорировала мою просьбу и, как и в прочие дни, насыпала в картонную коробку те сорта, которые сочла нужными.

Я смиренно покинул магазин с коробкой печенья в руках, и мы зашагали по улице Сан-Пруден시오 в сторону парковки Нового собора, чтобы забрать машину. Дойдя до оптики Фернандеса де Бетоньо, остановились и подождали, чтобы народ немного разошелся и никто не слышал наш разговор.

– Почему пятнадцать, Кракен? – выпалила Эсти, как только мы остались одни. – Почему ты попросил у него список из пятнадцати друзей?

– Ни у кого не наберется пятнадцать близких друзей, кто-то из тех, кто попадет в такой список, окажется просто знакомым. Я начну с последних имен, с тех, кому больше всего придется подумать. Не имеет смысла общаться с первыми: они скажут о нем только хорошее. Посмотрим, все ли сомкнут ряды вокруг Игнасио и не найдется ли в этой броне какая-то щель.

– А что ты думаешь насчет того, что мы видели, Унаи? – спросила Эсти. – С точки зрения специалиста по психологии. Что ты заметил там, внутри?

Я вздохнул и заговорил о подробностях, на которые обратил внимание. Это была непростая задача – перед нами была сложная психика, на которую наслаивались события в прошлом и личная травма.

– Думаю, Игнасио – личность противоречивая. На публике, вне дома... сияет. Глаз не оторвать: чистая харизма. Такая открытая улыбка... разве может она быть притворной? Но наедине, дома... он будто бы пуст. Тускнеет, перестает улыбаться, не удосуживается изобразить формальную любезность. У него даже голос становится тише, заметила? Как будто он старше, чем кажется. Я подметил несколько особенностей, которые производят впечатление чуть ли не патологических. Например, одержимость парностью. Не обратила внимание, что у него дома все симметрично? Распределение комнат по обе стороны коридора, диваны, столы, безделушки... Все картины – диптихи. Как будто он – половина целого и ждет, чтобы брат-близнец вернулся и вновь занял причитающуюся ему часть пространства. И все время смотрит в окно, прямо невроз какой-то или тик. А может, он таким образом прятался, когда чувствовал с нашей стороны давление... При этом смотрел не куда-то, а на двери дома напротив. Не знаешь, что там?

– Раньше было отделение «Банка Сантандер», сейчас – «Банка Витории».

– Нет, Эсти. Я имею в виду двери рядом с «Банком Сантандер».

– Ах да: там подъезд, где раньше проживал его брат, в смысле, брат-близнец, – сказала она с иронией.

– Все сходится. Он словно боится его увидеть и все время начеку. А каковы твои впечатления? – спросил я, пока мы пересекали задний сквер Нового собора.

– События двадцатилетней давности затронули близнецов сильнее, чем они дают понять. Вопрос на миллион евро: достаточно ли они ими затронуты, чтобы продолжать игру?

– Не знаю, Эстибалис. На сегодняшний день Тасио кажется мне человеком, способным на что угодно, в первую очередь – отомстить брату, чтобы увидеть его за решеткой. Это гораздо более странный субъект, чем его глянцева версия, которую ты только что имела счастье лицезреть.

Наконец Эстибалис остановилась в тени статуи крокодила с человеческими руками, у пруда позади Нового собора. Она посмотрела по сторонам, сняла туфли и уселась на парапет.

– Ты в порядке? Знаю, что устала, но... может, что-то еще?

– Скоро выходные, останусь в Витории с Икером. Надо съездить в Чагорричу, навестить отца... меня это слегка напрягает.

– Но в целом все нормально? – осторожно спросил я.

– В целом все нормально, Кракен. А у тебя? Знаю, что ты был не в себе, рассматривая тела мертвых детей. Меня твоя реакция обеспокоила.

– Это всегда тяжело. – Я вздохнул, ослабил галстук и сел с ней рядом. – Устраиваясь в отдел уголовного розыска, мы понимали, что будем видеть неприятные сцены. Нам надо быть хладнокровными и держать наших призраков в темнице... Эсти, как думаешь, мы готовы к такому расследованию? Вдруг оно нас раздавит?

– Да ладно! Я буду следить за тобой, ты за мной. Вместе мы как два танка. Просто нужно сосредоточиться и запереть свои скелеты в шкафу.

Я умолк. Мы оба были слишком слабы. Мы были как сломанные скамейки: одна опирается на другую, чтобы не упасть.

Эстибалис утверждала, что преодолела свои слабости, а своей напарнице я доверял. Но она еще не свыклась с диагнозом отца – болезнь Альцгеймера, стремительное ухудшение и недавняя госпитализация – и пребывала в состоянии, скажем так, оранжевой тревоги.

– Прежде чем сменить тему, давай подведем итоги, – сказала Эсти, вставая и направляясь в сторону паркинга с туфлями в руках. – Что мы имеем сейчас в сравнении с сегодняшним утром?

Я вздохнул и снова почувствовал на себе тяжесть недавних убийств.

– Два новых персонажа, которых мне не терпится увидеть, как только представится возможность: Инес Очоа, Каменная Дама, и загадочный приятель Тасио, с которым они вместе проводили ритуалы. И связь Игнасио с орудием преступления: пчелами. Если он общается со многими пасечниками и знает этот мир, вполне возможно, что он догадался, как засунуть их в надлежащее место и разлить с помощью запаха, от которого они становятся агрессивными. Но не будем забывать, что пресса пока ничего не знает о пчелах. И наконец мы уличили его во лжи: якобы он не помнит про следы спермы, найденные на теле девушки. Изобразил полное равнодушие, когда речь зашла о результатах вскрытия.

– А может, готовился к этому вопросу двадцать лет...

– Надо как следует заняться близнецами: семья, прошлое, окружение, – задумчиво проговорил я, оплачивая чек за парковку. – Раньше этим никто не интересовался: Игнасио выдал Тасио, и таким образом дело закрыли.

– Тогда у нас впереди много работы. Ты едешь завтра в Вильяверде?

– Собираюсь, если никаких срочных дел нет и я никому не понадобится. Мне не хочется надолго бросать дедушку одного. Но если считаешь, что в эти выходные мне надо остаться в Витории, скажи об этом прямо.

– Я два дня буду с Икером. Тысяча дел с этой свадьбой, не говоря об отце, которому снова хуже, и надо его навестить. У меня не будет времени заниматься чем-то еще.

– Ладно, держись подальше от своих призраков.

– А ты – от своих.

– Стараюсь.

«Я стараюсь, Эсти. Только это и помогает мне до сих пор оставаться в живых», – мысленно закончил я фразу.

7. Вильяверде

Думай об убийстве так, словно убийца хочет рассказать нам историю. Что стоит за обрядами этих новых преступлений, #Кракен?

30 июля, суббота

На рассвете следующего дня я отправился в Вильяверде, крошечную деревню с семнадцатью жителями, где бабушка и дедушка воспитывали меня и Германа, когда пропали мои родители, то есть несколько жизней назад.

Мне нравилось ехать на юг ранним утром – через перевал Витории, по буковому лесу, по серпантину Бахаури, мимо сосновой рощи, где когда-то изменилась вся моя жизнь.

Вильяверде располагался в 40 километрах от Витории, у подножия Алавесских гор напротив Кантабрийской сьерры, или сьерры Толоньо, как называли ее в последнее время. Мы, аборигены, не любим наименования на официальных картах Алавы. В детстве я привык видеть перед собой густую чашу буков, дубов и орешника, стоило мне выглянуть за тяжелую деревянную калитку в трехсотлетнем доме моих предков, одном из массивных строений с каменными стенами толщиной в метр, где продукты хранились не в холодильнике, а в леднике под оставшимся с зимы льдом, подальше от огня, пылавшего под низкой широкой плитой.

Я припарковался под балконом, на котором дед держал горшки с красными бегониями, несмотря на то, что южный ветер всякий раз высушивал бедные растения и деду приходилось растить их с нуля. Но он привык снова и снова начинать сначала. Таково свойство моего деда: несмотря на уже почти столетнее сердце, он никогда не сидел сложа руки.

«Нечего сопли жевать, берись за работу», – только и говорил он. И сам так поступал. Всегда при деле.

Улицы Вильяверде были в это время пустынные, но тишину разбил автомобильный гудок: грузовичок пекаря из Бернедо вкатился вверх по склону и остановился напротив меня.

– Привет, Унаи, – воскликнул пекарь. – Что будешь брать, бисквит или сдобу? Может, пирожок или бублик?

Я собирался поймать пакет с горячей и ароматной выпечкой, когда кто-то тронул меня за плечо.

– Я заказал еще три сдобы, – послышался хриплый голос деда.

– Вот они, тут, специально для тебя. – Парень на прощание кивнул, захлопнул задние дверцы и исчез, окутав нас напоследок вкусным запахом свежеиспеченного хлеба.

Я обернулся к деду и улыбнулся. Дед отлично знал, от чего мы с Германом теряли голову. Эти свежеиспеченные сдобы, приправленные горячим чорисо²³ и пропитанные ароматным острым соусом, были лучшей закуской после рабочего утра в горах.

– Что у нас на сегодня, дедушка?

– Твой братишка появился раньше тебя, он уже давно обрабатывает орешник.

Дед зашел в дом и сразу вышел назад, неся в руках две косы.

– Отлично, сейчас переоденусь, и пойдём к нему на подмогу.

Я в два прыжка поднялся по лестнице, вошел в мою детскую комнату и надел выдавшие виды джинсы, белую рубашку и горные ботинки.

С косами на плече мы молча шагали по мощеным деревенским улицам; иногда дед останавливался и поправлял беретку. На нем был рабочий комбинезон цвета индиго. Дед был коренаст и энергичен, во время ходьбы чуть наклонялся вперед. Говорил не слишком много – ему

---

²³ Чорисо – сорт свиной колбасы (прим. редакции).

не нужны были слова, чтобы быть правым; он просто всегда был прав, вот и все. Это была правда простых здравомыслящих людей.

– Дедушка, я привез печенье из «Гойи», но сперва ты должен показать мне результаты анализов, – сказал я ему по дороге. – Как твой холестерин?

Дед пожал плечами и посмотрел куда-то вдаль.

– Не знаю, не успел глянуть, – соврал он.

– Ага, – ответил я, не поверив. – Снова подскочил. Ты должен следить за собой, дедушка. Не оставлю коробку в Вильяверде – уверен, что ты съешь все печенье за один присест.

Дед снова посмотрел куда-то вдаль с притворной гримасой безразличия.

– Ладно, попробую пару штук, – подытожил он и поправил беретку.

Я про себя усмехнулся.

– Да, дедушка. Пару штук.

Мы прошли мимо церкви и оказались в другой эпохе – в верхней части деревни, где когда-то молотили и провеивали пшеницу, чтобы получить зерно. Сейчас окружающие ее сеновалы ремонтировались благодаря стремлению жителей сохранить их в первоначальном виде. На выходе из деревни, пройдя по дороге вдоль поделенных на равные участки полей и спустившись по склону, мы оказались у моста через реку Эга, затем на лугу, тянувшемся вдоль берегов, где разросшиеся кусты орешника затеняли друг друга, а ветки и сорняки так разрослись, что мы едва могли пройти.

Там нас поджидал Герман. Он также был в комбинезоне цвета индиго, сшитом по его невысокому росту, и решительно скашивал молодые побеги, словно не знал, что завтра они вновь разрастутся.

Обычно мы с братом выкладывались по полной, если дед нас о чем-то просил. Это было то небольшое, что мы могли для него сделать. Деду было почти сто лет, и он продолжал воспитывать нас с той бесхитростной мудростью, которую я когда-то хотел у него перенять.

– Приедет Мартина? – спросил Герман, посмотрев на смартфоне время.

– Да, в полдень. Останется пообедать.

– Отлично, – сказал я, улыбнувшись. Наша маленькая семья была очень благодарна девушке моего брата за женское внимание.

Мартина была подружкой Германа уже четвертый год. Она работала в социальной службе – семейном посредничестве – неподалеку от моего офиса в Лакуа, и мы часто обедали вместе. У нее был спокойный мелодичный голос человека, раздающего бескорыстную любовь и поддержку, глазки цвета киви и кое-как стриженные, но уже отрастающие волосы. Мартина перенесла довольно агрессивную форму рака, после чего облысела и потеряла мышечную массу, но решимость и воля, проявленные ею в течение всего курса химиотерапии, когда-то стали для меня примером, чтобы выбраться из апатии, куда я погрузился два года назад, пройдя через свой собственный ад.

Наблюдать за тем, как Мартина без единой жалобы расчесывает свои черные волосы и отправляется на работу улаживать чужие разводы и подыскивать опекунов, чтобы затем мы с Германом забрали ее, обессиленную, на машине, помогало отбросить привычный скепсис и овладевшее мною с некоторых пор нежелание жить и вновь научиться ценить то, что меня окружает: здоровье, друзей, деда, брата, Мартину, работу, позволяющую очистить город от субъектов, готовых портить жизнь горожанам...

Я перестал думать о темных делишках и сосредоточился на свежей поросли, которую предстояло скосить. Через четыре часа, внимательно осмотрев плоды нашего труда, срезанные и собранные ветки и сорняки, дед достал из кармана красное яблоко.

– А ну-ка, покажи мне экзему, сынок, – обратился он к Герману.

Брат закатал штанину и показал пятно, красневшее у него на щиколотке. Дед достал швейцарский армейский нож, порезал яблоко на равные четвертинки и натер ими кожу Германа. Затем соединил четвертинки обратно, стянул веревкой и закопал в землю.

– Можешь гнить на здоровье, – прошептал он яблоку.

По его словам, как только яблоко сгниет, экзема Германа исчезнет. По правде сказать, дед использовал яблоки при любом удобном случае: бородавки, ожоги... Я слишком долго изучал разные науки, чтобы верить в такие вещи, да и дед был слишком практичен, чтобы доверять суевериям, но, так или иначе, его народное средство неизменно действовало.

Закончив свое врачевание, дед улегся у подножия дерева, устроился поудобнее и через несколько минут громко захрапел.

Мы с Германом тоже присели, прислонившись к самому старому орешнику, усталые, но довольные.

– Я прочитал статью про двойные убийства, – сказал Герман, сорвал стебелек травы и засунул себе в рот.

– Кто про них ныне не читал, – пробормотал я, рассматривая горы.

– И что, это дело взвалили на тебя?

– Ага.

– Не хочешь про это говорить?

– Пока нет.

– Пока нет? Что это значит?

– Это значит, что захочу чуть позже, когда дело хоть немного продвинется. На меня давят сверху, потому что время идет, а результатов никаких. Когда почувствую стресс... тогда и захочу все обсудить. Придется тебе надеть рясу исповедника и выслушать меня, потому что про такое я не смогу говорить больше ни с кем, кроме тебя и Эстибалис. Но сейчас не надо. Пока я справляюсь. Оставлю пока это при себе, договорились?

Некоторое время Герман размышлял, затем провел пальцами по своим темным волосам.

– Как хочешь, брат. – Он вздохнул. – В любом случае я кое-что должен тебе сказать; постараюсь побыстрее.

«Нет, Герман, – подумал я, закатив глаза. – Не надо, не начинай».

– Ты склонен к одержимости; я знаю, что ты ввязался в это расследование, поскольку считаешь, что убийства можно предотвратить и ты знаешь, как это сделать. Бредово и маниакально, Унаи. Кто-то должен тебе это сказать. После того, что произошло с Паулой и детьми, ты так и не стал прежним. Ты утверждал, что видел знаки и еще какие-то нелепости. Лучше выложи все подчистую; ты мой старший брат, я не стану тебя осуждать. Но перестань говорить про это публично, даже в своей компании. Это наши друзья, но люди много чего говорят за твоей спиной. Не заикливайся на этом деле, хорошо? В Витории у всех сейчас нервы на пределе; даже твои знакомые будут требовать, чтобы ты им что-нибудь рассказал. Такие вещи вытаскивают из людей все самое худшее. В какой-то момент все теряют невинность или наивность.

«Нет никакой невинности или наивности», – мысленно возразил я.

Что я мог ему сказать?

Как-никак, я внук своего деда, который в послевоенные времена, будучи мэром Вильяверде, ворвался с ремнем к кузнецу и связал ему ноги, когда по деревне прошел слух, что тот бьет свою жену.

Все это происходило в сороковые годы, когда гендерное насилие не выходило из домов и никто не вызывал пару гвардейцев, если у соседей слышались крики, потому что те неизменно отвечали: «Это дела мужа и жены, мы не должны вмешиваться». Мой дед думал иначе, и когда я спрашивал его про тот случай, он, как правило, пожимал плечами и бормотал: «Он подлый

трус. Только подумай: ударить женщину» – и продолжал свой обед как ни в чем не бывало: вяленый овечий сыр и ежедневный стакан риохи.

Героем я себя не считал, но мне нравилось наводить во вселенной порядок. Пусть не умирает тот, кому еще не время, пусть хотя бы так. Я понимал логический механизм, спрятанный в естественном порядке вещей, понимал даже смерть: несчастный случай, болезнь, старость... Но не мог смириться с существованием извращенцев, творящих свои злодеяния, из-за которых старуха с косою стучится в двери невинных жертв раньше времени.

– Договорились. Спасибо, что не боишься говорить прямо; немногие на такое решаются.

– С тобой иногда трудно, Унаи. Я знаю, что ты многое пережил, но земля вращается, и люди забывают о наших трагедиях, да и тебе не стоит на этом застревать.

– Опять нет, Герман. Опять нет. – Я остановил его, положив руку ему на плечо.

Герман умолк; он был из тех людей, которым хватает ума замолчать, когда это необходимо.

Брат был не просто умен. Недостаток телосложения с лихвой искупали ирония и красноречие, и если, оказавшись перед женской аудиторией, он использовал первые семь секунд, отпуская пару умных шуток, неизбежных и действительно смешных, остальное происходило само собой. Но телосложение также играло свою роль. Герман был крошечного роста, но крепкий. К тому же он был одним из самых элегантных и модных мужчин, которых я встречал в своей жизни. Герман знал наизусть четыре способа завязывать галстук и мог упрекнуть тебя за неудачный выбор носков.

Из-за еженедельного посещения парикмахерской его стрижка всегда была на год моднее моей. С некоторых пор Герман превратился в заправского хипстера: сбирал виски и зачесывал назад челку. Недавно отрастил бороду, которая была ухожена лучше, чем изгородь в Букингемском дворце.

Кроме того, Герман был отличный социальный адаптор. Он знал всю Алаву, и вся Алава знала его: так или иначе, людей с ахондроплазией²⁴ у нас не так много.

Когда-то я наделал глупостей, защищая его от всяких козлов – сейчас это называют моббинг: дело в том, что в подростковом возрасте любой из нас был на полметра выше Германа... Но если бы понадобилось, я навалю бы любому еще раз. И это я, человек, который никогда не дерется и терпеть не может насилие, к тому же руководствуется чисто практическим соображением: когда ввязываешься в драку, в любом случае проигрываешь.

Повлияло на него также и воспитание, которое дал нам дед, не обращавший внимания на его рост и не позволявший брату себя жалеть.

Если надо было сесть на трактор, а первая ступенька располагалась в пятидесяти сантиметрах от земли, дед говорил: «Хватит сопли жевать, залезай». В итоге Герман придумал способ проникать в кабину, взбираясь по заднему колесу.

Если педали комбайна располагались слишком далеко от его ног, дед помогал изготовить длинные подошвы из самшита, которые Герман привязывал к ботинкам. Он всегда находил способ приспособить свои размеры к размерам этого мира и не пасовал ни перед чем.

Дома Герман учился быть таким, как другие, и переносил это умение на все социальные сферы. Он вырос парнем без комплексов, с блестящими мозгами, к тому же на удивление добрым. Ему стоило больших трудов порвать со своей первой девушкой. С тех пор удача сама шла ему в руки.

Герман быстро понял, что добиться высоких результатов в области права сможет только тот, кто выше среднего уровня, и уж никак не ниже, и это чувство пришлось ему по душе. Он открыл собственную контору на площади Амарики и через несколько лет стал довольно извест-

---

²⁴ Ахондроплазия – врожденное заболевание, при котором нарушается рост костей скелета и основания черепа (*прим. переводчика*).

ным консультирующим адвокатом, а также демократичным и любимым начальником для двенадцати сотрудников. Никаких секретов в его успехе не было. Его успех, заключавшийся в желании новых клиентов обратиться за помощью именно к нему, неизменно заставлял его на рабочем месте, где он проводил больше часов, чем кто-либо другой. В летние же месяцы мы вместе убрали пшеницу...

Думаю, мы представляли собой странную троицу: дед в своей беретке, брат с его пронительностью и умом и я с моим... сам не знаю чем. Себя я не анализировал. Я не знаю свои характерные черты, по которым меня выделяют другие люди.

Впрочем, теперь знаю. Теперь я полицейский, который поймал самого знаменитого серийного убийцу в истории Витории, но в итоге словил пулю в третью лобную извилину левого полушария.

Завтра меня отключат от аппарата.

Прошло десять дней, а я все еще в коме. Я предусмотрителен, у меня есть бумаги с инструкциями на случай смерти. Я сделал свой жизненный выбор, когда поступил на службу в полицию. Я подписал завешание, согласно которому мой пепел должны рассыпать с вершины Сан-Тирсо, каменного монолита, возвышающегося на гребне нашей сьерры, напротив Вильяверде.

Я знаю, что деду и Герману не так-то просто взобраться с урной по скале высотой сорок метров. Если начать подъем от кустов примерно в десяти метрах по южной стороне массива, первый участок пути относительно прост. Затем становится сложнее, а уж каков спуск – словами не передать. Лучше всего прыгнуть, но это слишком большая высота, к тому же можно упасть и скатиться кубарем вниз по склону, пока твой вольный полет не остановят заросли самшита. Вот я и говорю, что сложно.

Но они это сделают.

Изобретут какой-нибудь хитрый и логичный способ – и сделают.

Я в них не сомневаюсь.

8. Мачете

Обрати внимание на различия с предыдущими убийствами. На что намекает убийца, #Кракен?

31 июля, воскресенье

В шашлычную «Мачете» я вошел около десяти часов вечера. Вся компания была в сборе, праздновали день рождения Чаби, самого юного из нас, и сняли сводчатый зал, отделанный камнем.

Едва войдя, я сразу понял, что ужин дастся мне нелегко: увидев меня в дверях, друзья как по команде перестали жевать.

– Добрый вечер, Чаби. С днем рождения, – сказал я самым обычным тоном, на который только был способен.

Тот улыбнулся уголками рта и отвел взгляд.

Я сел на единственное свободное место, оказавшись во главе стола, между Нереей и Мартиной, девушкой моего брата, на чьем лице изобразилась ободряющая улыбка.

Я заказал бифштекс, чтобы набраться сил, и принялся ждать, когда упадут первые бомбы. Все были напряжены, все потихоньку поглядывали на свои телефоны и, как только щебетала синяя птичка, проверяли обновления в «Твиттере».

– Ты ничего не хочешь нам рассказать, Кракен? – спросил Хота, открывая огонь.

Что ж, была ни была. Увидев его почти пустой стакан, я готов был поклясться, что он вот-вот закажет себе еще кубаты²⁵.

– Не трогайте человека, – поспешила Мартина, которая всегда была со мной заодно. – Вы же знаете, что он не имеет права болтать о работе.

– А я хочу про это поболтать, – сказала Нереея, одна из моих лучших подруг. – Тем более что это интересно всем нам.

Нереея была маленькая и кругленькая, словно морская галька. Лицо у нее было как полная луна, а челку она стригла всегда одинаково со времен первого причастия. У нее имелся собственный киоск на углу улицы Постас и площади Белой Богородицы, рядом с Ла-Ферре; самый настоящий киоск с газетами и журналами, унаследованный от родителей, несмотря на то что ее комнату украшал диплом по специальности «биология», которой она никогда толком не занималась из-за категорического нежелания удаляться от Витории более чем на десять километров.

– Зачем, Нереея? – Я вздохнул, глядя ей в глаза.

«С какой стати ты на меня давишь?» – добавил мысленно.

– Серийный убийца убивает виторианцев, а осужденный на двадцать лет общается с тобой и шлет тебе твиты. Ты ведь и есть тот самый Кракен, к которому обращается этот долбанутый.

Я сделал красноречивую физиономию: ну да, к чему скрывать?

– Что происходит, Унаи? – продолжала она, смахнув челку, как делала всегда, когда была раздражена. – Неужели вы его не задержите, не заставите остановиться? Да я от страха помираю, когда выхожу в шесть утра открыть киоск. Постарайся, чтобы это поскорее прекратилось!

Нереея говорила быстро, голос ее звенел от волнения. Она сама не заметила, что уже некоторое время держит меня за запястье, так что следы ее ногтей отпечатались на моих венах – как раз там, где самоубийцы делают себе надрезы.

---

²⁵ Кубата – кубинский коктейль из рома и колы (прим. переводчика).

– Можно я заберу руку, Нерея?

– Прости. – Она вся сжалась, как улитка в ракушке. – Честно говоря... честно говоря, я очень беспокоюсь, Унаи. Все вокруг только об этом и говорят. Покупают газеты – а сами расспрашивают меня об убийствах, как будто я – выпуск новостей.

– А насчет копыт – это правда? – спросил Асиер, аптекарь.

– Каких копыт? – не понял я.

– Козлиных. В социальных сетях говорят, что это могли сделать оккультисты, что якобы на полу в Доме веревки нарисована огромная пентаграмма, а на крыльце Старого собора валялись дохлые черные кошки... Каких только нет теорий и предположений, но больше всего говорят про то, что рядом с ногами убитых отпечатались козлиные копыта.

Лучо, Нерея, Чаби – все пристально смотрели на меня, ожидая ответа.

– Я знаю, что это беспредел, – заговорил я, – что нет ничего нормального в том, что парень расхаживает на свободе и убивает людей; я знаю, что в городе паника, как двадцать лет назад. Все мы через это прошли, вы же помните. И я в самом деле занимаюсь этим расследованием, но про сообщения в «Твиттере» ничего не могу сказать. Я не имею права с кем-либо это обсуждать, и вы это прекрасно знаете. Все вы достаточно умны и развиты, чтобы всё понять. Хотите поспособствовать расследованию? Уверен, что хотите, поэтому мне нужно, чтобы вы вели себя со мной как хорошие друзья, чтобы каждый раз, когда мы собираемся вместе, расследование этого дела не мешало нашим разговорам и я мог немного передохнуть, чтобы вернуться к работе сосредоточенным и без лишних волнений. Это непросто. Я лишь прошу вас быть на высоте, как вы всегда это делали.

Все замолчали; кто-то сосредоточенно доедал морского окуня. Наконец Асиер, всегда практичный, но несколько холодноватый, разбил лед.

– Лично я согласен. Не хочу больше слышать про убийства, с меня довольно.

– Спасибо, Асиер. Другого я от тебя и не ждал.

Остаток ужина прошел в разговорах о том, кто и как планирует провести день города: некоторые были в бригадах блюз, другие составляли распорядок дня и решали, какие мероприятия посетить.

Чуть позже официант принес торт с торчащей из – середины свечкой «35 лет». Увидев перед собой пылающую фигуру, Чаби сделал серьезную мину, но тут же раздул щеки и выполнил свой долг, задув свечи. Я завел нестройное «С днем рожденья тебя», Нерея взглядом меня остановила.

– В чем дело, у нас день рождения или похороны?

– Поверить не могу, Унаи. Чаби только что вошел в группу риска. Ему сейчас тридцать пять, и у него типичная алавская фамилия из двух частей, а ты его спокойненько поздравляешь? – яростно прошептала она мне на ухо.

Все внимательно следили за выражением моего лица, поэтому я умолк и вернулся к отбивной, сделав вид, что это воскресенье ничем не отличается ото всех прочих.

Ужин закончился, как и начался, в глубокой тишине, и только Лучо рассказывал анекдоты и истории, не опубликованные в разделе общественной жизни его газеты. Он делал так всегда, если обстановка становилась напряженной. Лучо был очень подкован в социальном плане, и непростые ситуации парировал ловчее всякого тореадора.

Когда наступило время прощания, Мартина подошла ко мне сзади и обняла.

– Все хорошо, Унаи? – спросила она, нежно положив голову мне на плечо.

– Все хорошо, Мартина. Как дела на работе? Пообедаем на неделе?

– В августе разводов меньше, все норовят уехать из Витории. Постараюсь за это время навести порядок с документами. Зато в сентябре все начинают разводиться, – рассказывала она, заговорщически подмигивая. – И у меня больше работы, как и у Германа. Так что мы с твоим братом воспользуемся августовской передышкой, чтобы сбавить ритм и спокойно поси-

деть в Витории. И конечно же, на этой неделе обязательно пообедаем. Я тебя люблю, ты помнишь?

– До скорого. – На прощание я поцеловал ее в лоб.

– Унаи... Держись. Ты справишься с этим расследованием, и не только с ним.

Она послала мне воздушный поцелуй, поправила рассыпавшиеся волосы и исчезла в направлении площади.

Перед выходом из шашлычной я зашел в туалет, чтобы опорожнить мочевой пузырь. Я стоял лицом к стене, когда какой-то парень в белом поварском колпаке подошел ко мне и протянул бумажную салфетку с надписью.

– Ты Кракен, верно? – спросил он.

– Тебе придется немного подождать, прежде чем я возьму у тебя эту бумажку, – ответил я, не успев застегнуть ширинку.

– Хорошо, – сказал парень, обеспокоенно поглядывая по сторонам.

Как только я одернул рубашку и помыл руки, он протянул мне салфетку. Несмотря на то что он был совсем молод, рука у него предательски дрожала.

– Слишком много выкурил гашиша, – сказал парень, оправдываясь.

– Я бы хотел, чтобы для начала ты представился и объяснил, кто сказал тебе, что меня зовут Кракен.

– Я Роберто Лопес де Субихана, работаю здесь по выходным. Я сосед Нереи, девчонки из твоей тусовки. Наши родители знакомы всю жизнь. Это она рассказала, что ты – тот самый знаменитый Кракен из аккаунта Тасио. Мы с мамой составили список имен; нам бы хотелось, чтобы ты его прочитал и принял к сведению.

– И что это за список, Роберто? – спросил я, пробегая глазами дюжину имен и фамилий с указанием возраста.

– Наша семья: нам с сестрой по тридцать, моему дяде пятьдесят пять, бабушке семьдесят пять... У всех в этом списке возраст жертв, к тому же двойная алавская фамилия.

«Пока неизвестно, действительно ли у убитых двойные фамилии», – хотел я сказать ему, просто чтобы успокоить, как-то утешить. Но не мог, не имел права раскрывать данные следствия, которые в противном случае через несколько часов облетят весь город.

– А почему ты обратился именно ко мне?

– Ты же этим занимаешься. Скажи, разве нельзя приставить к ним охрану?

– Мне пришлось бы обеспечить охрану нескольким тысячам жителей Алавы, которые совпадают с этими характеристиками, как и члены твоей семьи.

– Честно сказать, мы все умираем от страха. Бабушка уехала в деревню и не хочет возвращаться в Виторию, даже чтобы сходить к врачу... И что, ничего нельзя сделать? Неужели вы не можете задержать сообщника Тасио или отследить аккаунт в «Твиттере»?

– Тебя Роберто зовут, верно? Так вот, Роберто, мы делаем все от нас зависящее, но я не могу делиться с тобой информацией.

– Хорошо. В любом случае пусть этот список будет у тебя. Носи его с собой, и если кто-то из этих людей умрет, имей в виду: виноват в этом...

– Слушай, парень, – перебил я его, не желая, чтобы он озвучивал мои собственные мысли. – С меня хватит. Ты хотел передать мне список, ты мне его передал. Все ясно как день. У всех нас есть в окружении люди, которые соответствуют этим требованиям. Об одном прошу: не разноси по всей Витории, что Кракен – это я. Это не в интересах следствия. Твоя соседка Нерей – та еще болтушка, но это не должно повторяться. Не заставляй меня взяться за тебя и выяснить, какую дурь ты употребляешь и где достаем. Договорились?

Парень неохотно согласился.

К тому времени, когда я собрался выходить из шашлычной, меня поджидал только Лучо. Он посмотрел на меня с беспокойством, и мы молча вышли на площадь Мачете, названную

так потому, что со времен Католических Королей и до конца XIX века генеральный прокурор должен был присягнуть перед мачете под угрозой того, что, если он не сдержит свое слово, ему отсекут голову.

Мы прошли напротив витрины, где хранился чудесный мачете: реликвия, о которой мало кто знал и которая, как это часто случается, будучи на виду, оставалась незамеченной. Позади апсида церкви Сан-Мигель, за решеткой, установленной в 1840 году, хранился знаменитый мачете, мимо которого равнодушно проходили не только туристы, но и сами виторианцы.

Но то, что я чувствовал в эти минуты у себя над головой, было тяжелее всякого мачете: мое сознание будто жгло огнем. Парень был прав какой смысл в моей работе, если я не могу защитить людей, которые чувствуют угрозу?

– Идем, Унаи. Провожу тебя до дома, – только и сказал Лучо, похлопав меня по спине.

Я кивнул, и мы молча побрели по мощеной площади, затем поднялись по ступенькам, которые соединяли ее с площадью Белой Богородицы.

Лучо был тот еще фрукт: его знала вся Витория. Длинный и тощий, он брил волосы с тех пор, как себя помнил, и единственной шевелюрой, которая украшала его бритую голову, была вертикальная полоска, ведущая от нижней губы к острому подбородку. Обычно он красил ее в разные цвета, в зависимости от того, в какой период жизни находился: полоска на голове была опознавательным знаком его настроения. Последнее время он красил ее в белый. Не в седой, не в платиновый, а именно в белый, яркий и безупречный.

– Ты куда-нибудь ездил в выходные? – спросил я его, чтобы сменить тему.

– Был в Наварре, прошел несколько маршрутов в Пиренеях, – рассеянно ответил он.

– Что-нибудь новое?

– Да, 7с+²⁶.

– Ты крут, – улыбнулся я. Но Лучо слушал меня невнимательно и не улыбнулся в ответ. – Что с тобой, Лучо?

– Странные были выходные, Унаи. С нами пошел Икер, парень твоей напарницы, и притащил с собой ее брата.

«Травку», – подумал я, сдерживая скептическую гримасу.

Брат Эстибалис был старым знакомым всей виторианской полиции. Он всегда был странным малым, владел травяной лавкой с эзотерическим декором и с ранней юности увлекался продажей веществ как минимум подозрительных. Я был уверен, что Эстибалис устроилась в полицию, чтобы быть подальше от выходок своего брата, граничивших с законом, хотя подозревал, что он до сих пор имеет слишком большое влияние на сестру.

Он был на пару лет старше Эсти, и я знал его с тех пор, как он ходил с рыжими дредами и рюкзаком, набитым марихуаной. В его подростковой комнате висела увеличенная фотография Потрошителя, что выглядело тем более странно – мы в его возрасте украшали наши стены фотографиями Саманты Фокс в трикини. Наверное, это волнующее чувство – засыпать каждую ночь под свирепой физиономией серийного убийцы и насильника.

Потрошитель был нашим алавским Джеком-потрошителем, неизбежной звездой во всех сборниках психологических портретов преступников, которые попадались мне в руки.

Хуан Диас де Гарайо Руис де Аргандонья, родившийся в 1821 году в Эгиласе, деревеньке на Алавской равнине, убил, изнасиловал и расчленил шесть женщин, четыре из которых – проститутки, и был казнен с помощью гарроты²⁷ в старой тюрьме Польворин.

По этой, а также по многим другим причинам я недолюбливал Травку, по крайней мере чувствовал себя ответственным за напарницу. Меня беспокоило, что Эстибалис не проводила

---

²⁶ Категория сложности в скалолазании.

²⁷ Гаррота – орудие казни через удушение в Испании. Первоначально гаррота представляла собой петлю с палкой, при помощи которой палач умерщвлял жертву. С течением времени она трансформировалась в металлический обруч, приводившийся в движение винтом с рычагом сзади.

выходные в Витории в обществе своего жениха, как утверждала. Почему она меня обманывала? Что с ней случилось?

– Ну и вот, вернувшись с восхождения, он убедил нас заехать в Сугаррамурди, и в конце концов мы оказались в знаменитой Ведьминой пещере – Сонгинен Лесея, – рассказывал Лучо, пока мы спускались по каменной лестнице. – Провели там ночь, и чувак только и болтал о двойных убийствах и языческих ритуалах. Он считает, что преступник вроде как вернулся в другую эпоху, когда люди жили ближе к природе. Вот и устраивает исторические инсталляции. Говорит, не случайно все началось с дольмена Ведьминой Лачуги. Рассказал легенду про ведьму, которая когда-то в нем жила, и до сих пор местные в полнолуние бросают в дольмен маленькие камушки – подношение богине Мари. Но в деревне говорить про это не любят. Когда в 1935 году археологи обнаружили большое количество круглых камней, люди испугались репрессий со стороны церкви за то, что до сих пор сохраняют древние верования.

По мнению Лучо, преступления не случайно возобновились именно в Старом соборе: это не только религиозный символ нашего города – под ним покоятся развалины самого первого поселения на месте нынешней Витории, древней деревни Гастейс. Якобы это предупреждение для всех жителей Витории. Тела окружены символами, которые надо истолковать... Тут он смущенно умолк и отдышался.

– О каких символах он говорил, Унаи?

Лучо был не в курсе того, что первые жертвы были убиты тисовым ядом, а орудием нынешнего убийства явились разъяренные пчелы. Не знал он и того, что фирменным знаком убийцы были три эгускилора, разложенные вокруг трупов. И что в будущем преступления наверняка будут носить те же характерные черты.

– Я не могу рассказать тебе больше, чем пишет газета, ты же знаешь, – только и сказал я, пока мы неспешно шагали по площади Белой Богородицы.

Обычная стратегия Лучо: он выдавал порцию якобы полезной информации, а затем требовал, чтобы я рассказал ему о том, чего не знают остальные журналисты.

– Что такое, Лучо? Твой шеф давит на тебя сильнее обычного?

Директор «Диарио Алавес» был загадочным человеком, практически не участвовавшим в светской жизни. Многие десятилетия он руководил редакцией, оставаясь в тени, и был одержим своей газетой, как утверждали его подчиненные. Суровый человек прежней эпохи.

– Понимаешь, я рассчитываю на повышение. С тех пор как Ларреа вышел на пенсию, место заместителя директора освободилось, и я должен проявить себя с лучшей стороны. Мне нужно это место, и я прошу тебя помочь мне, Кракен. Надеюсь, ты дашь какие-нибудь сведения. Я зубами могу вцепиться в это дело, и если ты мне ничего не расскажешь, возьмусь за независимое расследование, – взволнованно проговорил он.

Мы уже добрались до моего дома, и я умирал от желания поскорее подняться к себе и забыть о работе, бифштексах и тусовках, но Лучо не считал наш разговор законченным, судя по ноге, вставшей между дверным косяком и тяжелой деревянной дверью, украшенной стеклянными вставками и решеткой.

– И что ты собираешься делать? – спросил я Лучо. – Напишешь статью и объявишь правдой все эти языческие бредни Травки?

Я пожал плечами и сделал движение, чтобы войти в подъезд.

– Какого Травки? Ты имеешь в виду брата Эстибалис, Эгускилора?

Я уже собрался было раствориться в сумерках подъезда, но имя полоснуло меня по спине, подобно хлысту.

– Эгускилора? – переспросил я, лихорадочно обдумывая эту мысль, бледный, как призрак.

– Это его прозвище чуть ли не с детства. Двадцать лет назад он носил длинные дреды, не помнишь разве? Из-за рыжего цвета волос он был похож на эгускилор, оранжевый сорняк. Неплохое прозвище, очень наглядное. В нем есть своя прелесть.

– Действительно, живописно, – отозвался я с невозмутимым видом. – Знаешь, Лучо, я очень устал, впереди длинная неделя... Давай в другой раз поговорим, хорошо?

Я пожелал ему доброй ночи и остался один во мраке. Мне стало холодно, несмотря на разгар июля.

К бесчисленным вопросам, разрывавшим мне мозг в этот момент, прибавился еще один, самый неудобный, самый тревожный, который мешал мне больше всего: почему Эстибалис не сказала, что раньше ее брата звали Эгускилор?

Неужели моя напарница что-то от меня скрывает?

9. Арментиа

**Витория,
28 апреля 1970-го**

В день Сан-Пруденсио²⁸, к удивлению горожан, рассвет выдался безоблачным, несмотря на то что покровитель всех жителей Алавы был любителем пописать на свой город. Говорили, что погода не уважает праздник, насчитывающий уже пять столетий, и святой в конечном итоге поливает дождем всех, кто приходит к базилике Святого Пруденсио на лужайке Арментиа, чтобы почтить его мощи.

Ранним утром доктор Урбина повел свою жену и детей в центр города. На бульваре Сенда они присоединились к процессии, которая шествовала по улице, чтобы поклониться святому.

Пройдя мимо отеля «Канцлер Айяла» и поравнявшись с дворцом Унсуэты, он бросил быстрый взгляд на величественные окна фасада, пытаясь угадать, внутри ли сейчас ее обитатели или уже вышли.

Из прессы доктор узнал, что этот дворец, построенный в начале двадцатого века предками промышленника, превратился в семейное гнездо молодоженов Хавьера Ортиса де Сарате и Бланки Диас де Антоньяна, куда они переехали сразу после свадьбы.

По всей очевидности, этот особняк во французском стиле, с резкими очертаниями и тревожными овальными просветами в серой кровле, принадлежал семье бизнесмена. Доктор Урбина уже в который раз спросил себя, как сложилась жизнь Бланки в этих роскошных декоративных стенах. Перестал ли рукоприкладствовать ее супруг, обнаружив, что все рассказы о Белой Богородице – всего лишь наветы деревенских сплетников? Простил ли ее?

Несколько месяцев назад из тех же газет он узнал, что пышная свадьба состоялась в Новом соборе, церемонию проводил его святейшество архиепископ Витории, а на роскошном ужине в честь жениха и невесты присутствовали самые влиятельные чины города.

Доктор ревниво сохранил вырезку из газеты, потому что это были единственные фотографии Бланки. По вечерам часами рассматривал черно-белые крупнозернистые изображения, стараясь разгадать, была ли эта молодая женщина с продолговатым лицом, сдержанно улыбающаяся под белой фатой, счастлива или испугана.

В клинике его пациентка больше не появлялась. Урбина с ума сходил, ежедневно ожидая на рассвете возле дворца Вилья Сузо долгожданного свидания, обещание которого существовало только в его голове.

В продолжение часа он вел Эмилию под руку, не теряя из виду детей: те в любой момент могли потеряться в толпе, несмотря на ярко-рыжую шевелюру, которой обоим наградила природа, и шумные требования анисовых крендельков, нанизанных на ветку лавра. Альваро Урбина все время держал руку в кармане, что указывало на крайнюю степень волнения, которое он не в силах был сдержать.

Да, они были при нем.

Он про них не забывал. Ни на миг не забывал. Вдруг увидит ее или встретит случайно на улицах центра?

Над головами процессии плыли нестройные голоса богомольцев, распевających молитвы и гимны. В глубине людской толчеи слышались трещотки и барабаны, подбадривая отстающих и наполняя солнечное небо неповторимым настроением старых народных праздников.

Наконец процессия прибыла на поляну Сан-Пруденсио, широкую эспланаду, покрытую газонной травой, где люди обычно расстилали принесенные с собой клетчатые скатерти и

---

²⁸ Святой Пруденсио – испанский католический святой, один из покровителей провинции Алава.

устраи́вали пир – если, конечно, погода позволяла. Но вскоре набежали серые тучи, заволокли небо, и многие собравшиеся, посматривая ввысь, уписывали свою провизию с непривычной поспешностью: еще не хватало, чтобы дождь прервал их застолье.

Семья Урбина расстелила скатерть и расположилась на краешке поляны, откуда открывался вид на базилику и киоски с едой и прохладительными напитками. Доктор Урбина задумчиво посматривал вокруг, выискивая женщин, хотя бы отдаленно напоминающих ту, которая не выходила у него из головы.

Его супруга Эмилия, возбужденная праздничной суетой, без умолку трещала чересчур громким голосом про то, как подорожали в этом году грибы на городском рынке. В любом случае она была довольна: впервые в жизни позволила себе их купить.

Короткопалыми ручками Эмилия неуклюже достала из корзины алюминиевые лотки с улитками и жарким из грибов. С собой она захватила несколько собаос²⁹, которые оставались свежими дольше, чем сдобы, и бутылку «Маркиза де Рискаля», которую также взяла на тот случай, если встретится кто-нибудь из коллег доктора и придется его угощать. Альваро Урбина протянул ей купленные накануне в универмаге пластиковые тарелки и вытащил нож, чтобы порезать хлеб, как вдруг ему показалось, что вдалеке мелькнула физиономия Хавьера Ортиса де Сарате. Вслед за епископом Витории промышленник входил в базилику, сопровождаемый другими хорошо одетыми мужчинами.

Доктор нетерпеливо вытянул шею, забыв о ноже, который по-прежнему сжимал в руке. Забыв про детей, которые с визгом носились вокруг, клянча анисовые крендельки. Забыв про запах домашних помидоров, отменного хамона и сотен улиток под соусом, которые матери семейств распаковывали с заботливой нежностью.

Она была одна. Белая юбка до колен, простенькие эспадрильи, сумка с ромашками и элегантный жакет того же цвета. Она рассеянно стояла возле одного из киосков со снедью.

Альваро сунул нож назад в сумку, одернул пиджак и, машинально пробормотав: «Пойду куплю пончики», затерялся в веселой толпе, занимавшей собой всю поляну, пересек ее напрямик и направился к маленьким зеленым палаткам, где торговцы расставляли чуррос³⁰ с шоколадом и разливали по чашкам глинтвейн, пока по громкоговорителям звучала нелепая смесь религиозных песнопений и «Лучика солнца», песни в исполнении «Лос-Дьяблос», которую обожали девицы на вечеринках.

Урбина подошел к ней совсем близко, решив отбросить робость и вежливость. У него так редко появлялась возможность ее увидеть, к чему это скрывать?

– Так значит, вы вышли за него замуж, – сказал он вместо приветствия. – Скажите только одно, чтобы я был спокоен: сейчас лучше, чем раньше?

«Да уж, лучше...» – подумала она, сжимая челюсти.

Как про такое рассказать? Как рассказать почти незнакомому мужчине, что вытворяет ее муж, начиная с первой брачной ночи? Девственности оказалось недостаточно. Совсем, совсем недостаточно.

Проведя медовый месяц в Сан-Себастьяне, она вернулась растерянная, ошеломленная. Неужели никто в отеле «Мария-Кристина» не слышал, что происходит в номере люкс? Никто из персонала, убирающего их номер, не заметил сломанной мебели?

Пожилая тетушка, навестив ее в новом доме, чтобы помочь с приданным и свадебными подарками, задала тот же вопрос.

– Как все прошло? – спросила она, не глядя в глаза.

Бланка не ответила: она догадывалась, что тетя ее не поймет.

---

²⁹ Собаос – разновидность бисквита, традиционная в Кантабрии (прим. переводчика).

³⁰ Чуррос – обжаренная выпечка в виде длинных палочек из заварного теста, обычно подается с горячим шоколадом (прим. переводчика).

– Ничего, со временем привыкнешь, – сказала та в порыве искренности, которую Бланка не ожидала от дамы, привыкшей держаться в рамках приличий. – Старайся ему не перечить, будь хорошей женой, во всем угождай. Когда придет с работы, дом должен быть безупречен, домашние тапочки – возле его кресла. Следи за тем, чтобы не запил; если запьет, будет только хуже.

Наконец тетушка посмотрела на Бланку. Лицо ее было печально. Бланка стыдливо опустила глаза. Она никогда не задумывалась о том, что тетя тоже страдала от побоев дяди. Как слепа была она всю свою жизнь...

После замужества у нее появились подруги, супруги друзей ее мужа. Одни скучные, другие надменные, третьи веселые, беззаботные, забавные. Но ни единой, с кем можно было бы поделиться, кому можно было доверять.

И вдруг появляется он, этот заботливый врач. Единственный человек, с кем можно общаться без утайки. Как было бы здорово, чтобы это он увез ее в Сан-Себастьян, а не Хавьер. В ту ночь все было по-другому. Она была открыта, доверчива. И он держался с ней так же.

– Быть может, вы думаете, что у меня был выбор? Что это я сама решила свою судьбу? Расскажите это отцу и семье.

Доктор Урбина вздохнул: значит, все как раньше.

– То, что было во дворце Вилья Сусо, не должно повториться. Там было невысоко, ступеньки тормозили падение, вы бы не погибли, но повредили бы спину. Сидели бы сейчас в инвалидном кресле. Вы меня избегаете, но я по-прежнему хотел бы вас защитить.

– Не вижу способа, доктор, – сказала Бланка.

В этот момент начал накрапывать дождь. Ударил гром, предупреждая, что гроза уже близко, и вскоре ливануло так яростно, словно вода собиралась размыть землю.

Бланка бросилась под навес в один из проходов между киосками. Доктор Урбина последовал за ней, хотя дождя он даже не заметил.

– Откройте сумку, смотрите в другую сторону, как будто мы просто стоим рядом.

– Что?

– Откройте сумку. Доверьтесь мне.

Она послушалась, не очень понимая, зачем все это. Альваро достал из кармана лекарства и быстро переложил их в сумочку Бланки.

– Что вы делаете, доктор?

– Белые пилюли – обезболивающее. Это для вас. Пейте их после того, как... А если почувствуете, что он не в духе и может ударить, примите таблетку заранее. Будет не так больно. Мазь от синяков, чтобы поскорее заживали и вы могли выходить на улицу; думаю, вам безопаснее находиться снаружи, чем дома. Коробочка с малиновыми капсулами – для него. Размешайте содержимое капсулы в воде, оно безвкусно и бесцветно. Думаю, ваш муж – человек занятый, целыми днями на работе и возвращается только к ночи. Сделайте так, чтобы он это выпил. Это его успокоит, обессилит и усыпит. Он ничего не заметит – я вовсе не хочу подвергать вас опасности. В европейской фармакологии это лекарство используется довольно редко, а вам оно может спасти жизнь.

Бланка обеспокоенно посмотрела на часы. За считанные минуты поляна опустела, дождь всех распугал, небольшая толпа укрылась под деревьями, растущими возле дороги, и под навесом киосков. Хавьер не появлялся: он был в компании епископа и представителей власти.

– Доктор, я очень благодарна вам за участие, но мне неспокойно. Если нас кто-то увидит... – Она нервно огляделась.

– Смотрите в другую сторону, делайте вид, что мы просто стоим рядом. Поймите, Бланка, я беспокоюсь я не знал, что ваш муж – вдовец. Я прочитал про это в день вашей свадьбы в светской хронике «Диарио Алавес», а медсестра рассказала, что его первая жена была молода, как вы, и часто ходила на прием в клинику.

– Вы говорите, она часто ходила в клинику? Все знают, что она умерла в горах, это был несчастный случай.

– Все, что я слышал, – это рассказ медсестры, – ответил доктор, глядя на поляну и выискивая жену и детей. – У меня нет доступа к документам этой пациентки, но я знаю, что у нее были сломаны ребра и тело покрывали следы от ударов, похожие на те, что вам наносит ваш муж.

Волоски на затылке у Бланки встали дыбом. Сколько народу об этом знает? Неужели ее семья это скрывала, позволив выйти замуж за Хавьера? Неужели ее отца не беспокоит жизнь единственной дочери?

– Это всего лишь слухи, доктор. Никто ни разу его не заподозрил, насколько мне известно.

– Не защищайте его, Бланка. Он вас убьет. В один прекрасный день озверев окончательно, как было с первой женой, и удар посильнее окажется смертельным.

– Что же мне делать?

– Я говорил в прошлый раз; готов повторить и сейчас, Бланка. Не забывайте про меня, обращайтесь в любое время.

Он посмотрел ей в глаза, и она наконец подняла лицо и взглянула на стоящего перед ней человека.

Их руки соприкоснулись: его, мокрая от дождя, и ее, тонкая и сухая. Впервые за долгое время оба неожиданно согрелись.

Внезапно доктор Урбина почувствовал, что кто-то дернул его за рукав. Он повернулся, отстраняясь от Бланки.

– Папа, тебя ищет мама. Улитки промокли от дождя, и их теперь нельзя есть. – Это был младший сын.

От него не укрылся ненавидящий взгляд, который мальчик бросил на Бланку.

И не он один смотрел на них в это мгновение. Откуда-то появился Хавьер Ортис де Сарате. Он инстинктивно, едва сдерживая ярость, сжал кулаки, да так, что побелели костяшки пальцев: под навесом его жена болтала с местным рыжим врачихой, стоя рядом с ним чуть ли не вплотную.

10. Тропинка

Ты не найдешь убийцу, пока не поймешь его мотивацию. А мотивация, дорогой #Кракен, всегда дело очень личное.

1 августа, понедельник

В понедельник я проснулся в шесть утра. Ночью мне приснилось столько эгускилоров, что я не сумел их сосчитать. Я решил начать неделю с пробежки в парке Флорида. Среди деревьев думается лучше, они проясняют мысли.

Я выбежал из дома на рассвете. В наушниках звучало фортепиано: Людовико Эйнауди³¹. Я представлял, что в эти часы Витория принадлежит мне одному. Тихое и безопасное место, я слежу за его покоем; зло не проникает на эти дремлющие улицы, убийца не караулит детей и женщин, молодых и стариков. На улицах – лишь пустынные тротуары, ожидающие наступления дня, чтобы жители города ходили по ним без страха. Без напряжения, без неуверенности.

Мой темный наставник продолжал упоминать меня в твитах с пугающей точностью. Иногда только один твит, иногда несколько за день. Адресованные мне послания читали тысячи жадных глаз, ожидающих продвижения расследования. Но оно никуда не продвигалось. Вместо результатов – благие намерения.

Вот почему мне нужно было как следует подумать, и я трусцой направился к старой беседке, восьмиугольному сооружению с белой решеткой, где по воскресеньям под добродушным взглядом огромных статуй четырех готских королей устраивались танцы.

Там я ее и обнаружил: она делала растяжку на железной лестнице беседки.

– Бланка...

– Исмаил...

Я собрался было продолжить мой неторопливый маршрут, но она жестом приказала мне подойти. Я растерянно повиновался.

– Объясни мне кое-что, – спокойно сказала она, отбросив за спину черную косу. – Почему все-таки «Исмаил»?

Продолжая бег на месте, я глубоко вздохнул и ответил:

– Разве не очевидно? Я охочусь на белого монстра. А почему «Бланка»?

– Ну. – Она пожала плечами. – Это вариация Альбы³².

– Но это не Альба. К чему ложь?

– Захотелось анонимности. Я только что переехала в этот город, и заместителем комиссара Сальватьеррой хочу быть только в стенах своего кабинета.

– Но именно ты представилась чужим именем и спросила, как зовут меня.

– Обычная вежливость. Разве не можем мы быть по утрам Бланкой и Исмаилом?

– Тебе нравится раздвоение личности? – спросил я, почувствовав некоторое раздражение.

– Не придумывай мне психологических характеристик, звучит как какая-то патология.

– Я не уверен, что мне нравится эта игра. Через пару часов мы увидимся снова, и ты снова будешь меня подлавливать, как делаешь это каждый день. Тормозить все мои предложения и начинания. Ты хочешь, чтобы я сидел себе тихонько в кабинете и заполнял отчеты.

– Ты действительно так это воспринимаешь?

---

³¹ Людовико Эйнауди – современный итальянский композитор и пианист.

³² Оба этих имени в испанском обозначают «белая», «светлая».

– Да, Бланка. Или Альба. Так я это воспринимаю. Какая муха тебя укусила? Ты не хочешь за ним охотиться? – спросил я в бессильной ярости, хватаясь за белую решетку, окружавшую беседку, – быть может, крепче, чем мне хотелось бы показать.

– Охотиться за ним? Ты имел в виду, задержать его?

– Как тебе угодно. Но я и в самом деле так это воспринимаю. Почему бы тебе не ослабить контроль, чтобы я чувствовал себя посвободнее? Мне бы хотелось, чтобы ты мне доверяла.

Бланка размышляла несколько секунд, показавшихся мне вечностью. Затем, к моему удивлению, кивнула.

– Хорошо, я не буду так на тебя давить. Но мне нужны результаты. Комиссар звонит мне каждый час, спрашивая об успехах; можешь представить, как звучат наши с ним разговоры?

Я вздохнул: мне не приходило в голову рассматривать ситуацию с этой точки зрения. До сих пор я видел перед собой только непрошибаемую стену.

– Еще один вопрос, – сказала Бланка. – Пока ты не исчез среди деревьев. Почему тебя зовут Кракен? В полиции говорят, что ты умеешь как следует прижимать подозреваемых на допросах, но когда я тебя про это спросила, ты сказал, что это детское прозвище.

«А ты наблюдательна», – отметил я.

– История про допросы – городская легенда. Я и правда могу вытащить больше сведений, чем коллеги, но лишь потому, что во время допросов свидетелей и подозреваемых захожу... с другой стороны. Руки не распускаю. Не люблю кинетическую технику: полагаясь только на язык тела, получаешь в итоге слишком туманную информацию, к тому же наблюдатель не может оставаться беспристрастным, как бы этого ни отрицали, создавая образ хорошего полицейского. Невозможно войти в кабинет для допросов без предвзятого мнения о виновности субъекта. Как и техника Рейда, предполагающая девять условных шагов. На практике разговор куда более естественен и непредсказуем. И пожалуйста, не верь всему, что обо мне говорят в коридорах. Условная техника подводит слишком часто. Поверь, я вовсе не блестящий следователь, и для всех будет только лучше, если ты не станешь возлагать на меня излишних надежд. Ты назначила меня расследовать это дело, потому что перед нами серийное убийство, а специалист по психологическим характеристикам может помочь взглянуть на дело с неожиданной стороны. Но я не безупречен. Как видишь, на сегодняшний день у нас слишком много неизвестных.

– В твоём личном деле говорится другое. К тому же ты мне так и не ответил насчет Кракена...

– Ничего особенного. Подросткам часто дают какую-нибудь кличку. Как ты знаешь, кракен – мифологическое существо из древней Скандинавии, что-то вроде спрута или гигантского осьминога, но в последнее время доказано, что он действительно существует. Трупы этих животных море выбрасывает на берег по всему миру. Они плохо поддаются изучению, потому что живут на большой глубине, но, надеюсь, ты не будешь делать поспешных выводов. Я рос частями, как кукла из лего. Так растут многие подростки: то непропорционально вырастут руки, то ноги и только затем туловище. В какой-то период руки у меня были чудовищно длинные по отношению к другим частям тела. Это длилось не слишком долго – следующий рывок выравнивал пропорции, и тело превратилось в идеальную машину, какой ты сейчас его видишь... – Я подмигнул, чтобы подтвердить очевидность моей теории. – А может, я все это просто придумал, и дело было проще: одному из выпивших приятелей пришло в голову это прозвище, а тут подвернулся я. Если живешь в Витории, рано или поздно тебя награждают остроумной кличкой: Гайка, Череп, Потрошитель...

– Хорошо, эта версия меня, по правде сказать, успокоила. – Она улыбнулась.

– Тебе не к бульвару Сенда? – спросил я. Я боялся остыть или окончательно сбиться с ритма.

– Точно, бежим вместе.

И мы побежали дальше вдоль по улице. Держа ритм, мы больше не разговаривали. Я выключил Эйнауди: не хотел, чтобы с ним были связаны воспоминания, которые затем остаются надолго и неизменно возникают, когда переслушиваешь музыку.

– Почему ты решила бегать? – спросил я через некоторое время. – Новые кроссовки, новый костюм, все отлично подобрано... Ты новичок, это свежее хобби?

Она посмотрела вверх, где ветви деревьев образовывали над нашими головами зеленый коридор.

– Я была беременна, срок – несколько месяцев... Хочу вернуть себе мышечный тонус.

Не ожидая подобного ответа, я сжал зубы, отгоняя призраков.

– Надо же... Да, это здравая идея, – только и выдавил я.

– В чем же ее здравость?

– Чтобы не уставать от ребенка. Наверняка он будит тебя по ночам. Сейчас тебе надо вернуться в рабочую форму, к тому же ты беспокоишься из-за мышечной слабости. Сколько малышу, четыре-пять месяцев? – прикинул я. – Вот-вот начнут резаться зубы, а это непростое время.

– Ты неправильно понял. Беременность продлилась всего семь месяцев. А потом... Ребенок плохо развивался. Ему поставили несовершенный остогенез второй степени, – проговорила Бланка, не поднимая глаз от красных, белых и синих плиток, мелькающих под ногами.

– Я не очень хорошо разбираюсь в медицинских терминах.

– Ребенок был нежизнеспособен. Он рос, но кости его ломались у меня в матке. Он страдал. Мне сделали плановое кесарево сечение, но он прожил всего несколько часов. Не могу видеть свой живот; меня раздражает, что тело все еще как у беременной. Во время беременности это меня не волновало; не волновало бы и потом, если ребенок выжил. Но сейчас... я хочу всего лишь забыть, что он у меня был, не вспоминать его каждый раз, когда раздеваюсь.

Я искоса посмотрел на ее живот под облегающей футболкой из лайкры. Она принадлежала к редкому типу людей, у которых живот от природы совершенно плоский: мускулистый, подтянутый, без единой лишней линии. Остатки беременности замечала она одна; они были в первую очередь у нее в голове, а не в действительности.

«Договорились, – подумал эксперт по психологии. – Диморфическое расстройство. Надеюсь, временное. Ради ее же блага».

«Тебя это правда волнует, Унаи? Ты что, за нее беспокоишься?», – с удивлением отметил я.

Возможно, так оно и есть.

Возможно.

Этого быть не должно, но чем черт не шутит...

– Поэтому ты добилась перевода.

– Муж настаивал. Я работала в полиции Лагуардии, с ней была связана вся моя жизнь с двадцати четырех лет. А он работает в Витории, по многу часов ежедневно... Точнее, у него нет графика. Мы виделись только поздно вечером, раньше этого хватало. Но на нас обоих эта история подействовала очень тяжело. Такие вещи либо объединяют, либо разделяют. Я не хотела, чтобы мы расстались. Он очень изменился с тех пор, стал странным. Тщательно скрывает свое потрясение, но я-то все вижу. Здесь, в Витории, я никого не знаю. Не хочу, чтобы ты принимал меня за зануду и неправильно истолковывал мое желание общаться с тобой каждое утро. Все дело в том, что у меня нет друзей.

– Это особенность Витории, – сказал я, когда мы сделали полукруг и продолжили бег по Сенде. – Компании формируются в старших классах; сложно войти в тусовку, если ты чужак. Все рассчитано на местных. Узнаешь ребят лет в пятнадцать, мальчиков и девочек, у некоторых уже сложились какие-то отношения. Мальчики с девочками, девочки с мальчиками... Затем смотришь на них лет через двадцать, а они уже снова все перемешались; кругом изменения,

ты и вообразить не мог, что все это так будет выглядеть, но главное – никто из них так и не вышел за пределы своего микрокосма, чтобы хотя бы взглянуть, нет ли во внешнем мире других людей, чтобы составить тебе пару. В Витории такого не случается. На экзогамию смотрят косо. Все, кто родился дальше пятидесяти километров – как выражалась моя бабушка, «чужеземцы». Забавное словечко из вестерна, которое можно услышать в любом алавском селении. Проходят мимо два паломника-якобита – «чужеземцы», пусть даже родом они из Куэнки. Приезжает продавец матрасов со своим фургоном из Саламанки, привозит на продажу хлопковые матрасы, которые в наше время почти не используют: «чужеземец», скажут старики, пожимая плечами.

– Такое впечатление, что я тоже «чужеземец», – сказала она и посмотрела на часы. – А теперь расскажи про себя. Я читала твоё медицинское досье. Ты по-прежнему скорбишь, или все уже позади?

– Ты собирала обо мне информацию? – недоверчиво спросил я.

– Конечно. Я же старшая по должности. Почему тебя это удивляет? Меня предупредили, что ты славный парень. Говорят, отлично разбираешься в своей области, расследуешь сложные дела, но прошел через тяжелый период. Можешь рассказать про это? Ты полностью оправился?

– Разумеется. Посмотри на меня. – Я затормозил перед желтой ракушкой, которая указывала на путь Сантьяго³³, пролегающий через наш город. – Что ты хочешь узнать?

– Хочу все услышать от тебя самого, а не из отчета психолога и не от сотрудников отдела кадров. Скажи, почему после больничного ты занялся криминальной психологией?

Я молчал, не желая об этом говорить, но по отношению к ней это было несправедливо. Не важно, кто она, случайная партнерша по бегу трусцой или мой непосредственный начальник, – она открылась без анестезии. Мог ли я позволить себе нечто подобное?

– Из-за друга, – в конце концов ответил я.

– Что? Ты о чем?

– О том, почему оказался в отделе уголовного розыска и специализируюсь в психологии преступников. Это было из-за друга. В другой раз, когда мы встретимся, я все тебе расскажу, обещаю. Честно. Но не сегодня, неохота сейчас это обсуждать. Для этого мне надо немного подумать.

– Хорошо, давай в другой раз. Договорились, – кивнув, она и улыбнулась. – Кстати, эта чужеземка предпочитает разделять работу и все остальное и не говорить о работе во время бега. Думаю, для нас обоих это вопрос психической гигиены.

– Согласен, – откликнулся я, заметив при этом, что на лице ее мелькнуло то же самое обеспокоенное выражение, которое я подметил в кабинете. – Сейчас ты добавишь, что...

---

³³ Путь Сантьяго – паломническая дорога к предполагаемой могиле апостола Иакова в испанском городе Сантьяго-де-Компостела, в основном пролегает по северной части полуострова (*прим. переводчика*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.